

ТРОЯНКИ¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

ПОСЕЙДОН

Пришёл я, Посейдон, из терпких вод эгейских,
 где в синей глубине танцуют Нереиды,²
 следы прекрасных ног узорами сплетая.
 С тех пор, как Феб³ и я вокруг земли троянской
 ряд башен каменных при помощи отвеса
 до неба возвели, я никогда не вспомнил
 фригийский город мой без ласковой приязни.⁴
 Теперь дымится он и под копьём аргивским,
 разрушенный, лежит. Один парнасский житель,
 фокидский муж, Эпей,⁵ наученный Палладой,
 соорудил коня, наполненного ратью,
 и городу вручил смертельную награду,
 поэтому тот конь, в себе носивший копьё,⁶
 от смертных получил название «копейный».
 Нет в рощах никого, а из чертогов божьих
 ручьями льётся кровь. У алтаря Зевеса,
 хранителя домов, Приам лежит убитый.⁷
 Ахейцы золото, фригийские доспехи

¹ Трагедия Еврипида «Троянки» была впервые поставлена в Афинах в 415 году до н.э. Трагедия по праву считается одной из вершин творчества античного драматурга. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: Euripidis Fabulae. Edidit J. Diggle. Tomus II. Oxford Classical Texts. Oxford: Clarendon Press, 1981. 177-240. При переводе были использованы комментарии Ли (Euripides. Troades. Edited with Introduction, and Commentary by K.H. Lee. London: Bristol Classical Press, 2001. Первое издание – 1976), Пейли (Euripides. With an English Commentary. Volume 1. Edited by Frederick Athorp Paley. Cambridge Library Collection. Cambridge: Cambridge UP, 2010, 443-518. Первое издание – 1857) и Энтон (An English Commentary on The Rhesus, Medea, Hippolytus, Alcestis, Heraclidae, Supplices, and Troades of Euripides, with the Scanning of Each Play, from the Latest and Best Authorities. By Charles Anthon, etc. New York, Harper & Brothers, 1877. 326-80.) Перевод сверен с английской версией Е.П. Колриджа (E.P. Coleridge) (электронный текст: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0123%3Acard%3D1>).

Все хоровые партии переведены оригинальными размерами по метрическим схемам Ли.

² Нереиды (Νηρηίδες) – морские божества, нимфы.

³ Феб (Φοῖβος, т.е. «лучезарный», «сияющий») – одно из имён Аполлона, бога света и покровителя искусств.

⁴ За поддержку бунта против Геры, жены и сестры Зевса, Посейдон и Аполлон оказались в рабстве у троянского царя Лаомедонта. Согласно одному из преданий, они возвели стены Трои.

⁵ Эпей (Επειός) – участник Троянской войны, не пользующийся особым уважением. Отличался огромной физической силой, соорудил Троянского коня по совету Одиссея. Пережил и войну, и возвращение с войны. Впоследствии основал город Пизу в Италии. Фокида (Φωκίς) – область в Центральной Греции, включающая в себя Дельфы (где находится знаменитый оракул Аполлона) и священную гору Парнас (Παρνασσός). Эпей называется «парнасцем» не потому, что он жил на горе, но название горы переносится на всю область, т.е. на всю Фокиду. У Еврипида была трагедия под названием «Эпей», которая не сохранилась.

⁶ Эта строка и следующая за ней считаются поздней комментирующей вставкой. Вероятно, это так. Обычно эпитет «δούρειος» переводят буквально, как «деревянный» (это делают, например, и Колридж, и Энтон, и Шервинский, который пытается как-то обыграть название). Но в данном случае непонятно, в чём же состоит суть прозвища коня, ведь всем и так известно, что конь был сделан из дерева. Это всё равно, что назвать море «водным», а небо «воздушным». Здесь явно проводится довольно неумелая игра слов: «δούρειος» («деревянный») и δόρυ («дерево», «копьё»). Поэтому я согласен с Анненским, который перевёл прилагательное «δούρειος» как «копейный». Таким образом сохраняется мысль автора этой вставки.

⁷ Приам (Πριάμος) – последний троянский царь, правил 40 лет.

относят на суда и ждут благого ветра,
 но целых десять раз поля зерном засеют,
 пока детей и жён обнимут эти греки,
 пришедшие с войной на город мой любимый!
 Я Герой побеждён, аргосскою богиней,
 сражён Афиною, помогшей бить фригийцев!
 Прощай, мой славный дом, богатый алтарями!
 В пустынном городе любая вера гибнет
 и нет почтения к божественным обрядам!
 Рыдают пленницы на берегу Скамандра,⁸
 где им по жребию хозяев назначают
 и присуждают их аркадцам,⁹ фессалийцам,¹⁰
 сынам Тесеевым,¹¹ вождям земли афинской.
 Троянки знатные, которых не раздали,
 находятся в шатре, награда полководцам.
 Дочь Тиндареева,¹² лаконская¹³ Елена,
 такой же пленницей считается по праву,
 А если ищешь ты несчастную Гекубу,¹⁴
 у городских ворот найдёшь её лежащей,
 надрывно плачущей и много, и по многим.
 Её родную дочь, бедняжку Поликсену,
 тайком зарезали над гробом Ахиллеса.¹⁵
 Мертвы Приам с детьми.¹⁶ Безумную Кассандру,
 не знавшую мужчин по воле Аполлона,¹⁷
 царь Агамемнон¹⁸ взял на нечестивом ложе,
 презрев и божество, и благопочитанье!
 Прощай же, город мой, когда-то полный счастья,
 и гладкий камень стен! Дочь Зевсова, Паллада,
 тебя разрушила! Иначе ты стоял бы!¹⁹

⁸ Скамáндр (Σκάμανδρος) – река около Трои.

⁹ Аркадия (Αρκαδία) – центральная область в Пелопоннесе.

¹⁰ Фессáлия (Θεσσαλία) – обширная область на северо-востоке Эллады, на побережье Эгейского моря.

¹¹ Тесéй или Тезéй (Θησεύς) – 11-й царь Афин. Один из самых известных героев греческой мифологии.

¹² Тиндарей (Τυνδάρεος) – царь Спарты, муж Леды, с которой в облике лебедя сочетался Зевс. Елена считается дочерью Зевса, а не Тиндарея.

¹³ Лакóния (Λακωνία) – область в Греции, в южной части Пелопоннеса. В этой области находилась Спарта, поэтому «лаконский» часто означает то же самое, что «спартанский».

¹⁴ Гекýба (Εκάβη) – вторая жена царя Приама.

¹⁵ По преданию, дух Ахилла не давал войскам отправиться домой, требуя себе в жертву Поликсену. Еврипид пишет об этом в трагедии «Гекуба», где, правда, царица знает о предстоящей смерти своей дочери.

¹⁶ От Приама Гекуба родила 19 или 20 сыновей.

¹⁷ Аполлон влюбился в Кассандру. Она получила пророческий дар от бога, однако отвергла его любовь. Оскорблённый Аполлон сделал так, что предсказаниям Кассандры никто не верил.

¹⁸ Агамéμнон (Αγαμέμνων) – царь Микен (Μυκῆναι), могущественного города-государства, находившегося в Пелопоннесе.

¹⁹ Боги не могут вмешиваться в решения других богов. Если Афина решила уничтожить Троию, то Посейдон был бессилён что-либо сделать. Он, впрочем, отомстил грекам, возвращавшимся домой: многих погубил в море, а других заставил блуждать годами, терпя лишения и теряя награбленную добычу.

АФИНА

- Позволено ли мне с ближайшей отчей кровью,²⁰
с великим божеством, со светочем бессмертных,
забыв про нашу рознь, поговорить смиренно?
- Пос. Вполне позволено, ведь родственные связи
Афина-госпожа, не слабо греют сердце.
- Аф. Благодарю тебя за ласковое слово.
Есть дело, господин, во благо нам обоим.
- Пос. Ты эту весть несёшь от некоего бога?
От Зевса, может быть? От силы послабее?
- Аф. Нет, ради Трои я, вот этой, где мы ходим,²¹
пришла тебя просить со мною потрудиться.
- Пос. Как это понимать? Вражду свою отбросив,
ты начала жалеть тобой сожжённый город?
- Аф. Сначала отвечай: ты мне пойдёшь навстречу
и пожелаешь ли того, что я желаю?
- Пос. Да, разумеется. Но ты скажи мне правду,
на чьей ты стороне? Ахейской ли? Фригийской?
- Аф. Хочу порадовать былых врагов, троянцев,
и горький²² путь домой дать армии ахейской.
- Пос. Зачем из крайности бросаешься ты в крайность,
то ненавидишь их, то любишь непомерно?²³
- Аф. Ты знал, как мне дерзят? Как весь мой храм разграблен?
- Пос. Я знаю, что Аякс насильно взял Кассандру.²⁴
- Аф. Ахейцы же совсем его не наказали!
- Пос. Но ты сама дала им власть над Илионом!
- Аф. Вот я и зла на них! Мы вместе их раздавим!
- Пос. Ну ладно, я с тобой. А что ты будешь делать?
- Аф. Я невозвратное пошлю им возвращенье!²⁵
- Пос. На суше или там, в солёной толще моря?
- Аф. Когда они домой пойдут из Илиона,
Зевс ливень вызовет, и град невероятный,
и мрачные ветра из тёмного эфира!
Он молнии свои мне жалует на время,
чтоб пламенем хлестать по кораблям ахейским!
А ты заставь реветь эгейскую пучину
тройными волнами, крутиться терпким жерлом,
наполни трупами пустой залив эвбейский,

²⁰ Зевс – отец Афины, а Посейдон – родной брат Зевса.

²¹ Высказывалось предположение (Ли, с. 74), что актёры в это время ходят по сцене.

²² Ли (с. 75): Это слово «особенно сюда подходит, поскольку оно подразумевает, что предвкушаемая радость оказалась чем-то отвратительным. Идея [возвращения домой] была очень желанна для греков, ... и поэтому злосчастное путешествие домой, которое они совершают, может быть с полным правом названо [горьким].»

²³ Идея любого излишества была противна уму древних греков. Чрезмерно любить было так же плохо, как и чрезмерно ненавидеть. Слишком сильное ликование вызывало такое же порицание, что и слишком сильная печаль.

²⁴ Аякс Оирид (Αἴῃς) – известный герой Троянской войны. Прозван Малым Аяксом, так как уступал в росте и силе своему соратнику, Аяксу Теламониду (Большому Аяксу). Ли (с. 75): «Афина была разгневана преступлением Аякса, потому что Кассандру оттащили от алтаря, где та нашла убежище, хватаясь за деревянное изображение богини.»

²⁵ В оригинале – «δύσνοστον νόστον», типичный еврипидовский парадокс.

Пос. чтоб уважительно ахейцы относились
к моим святилищам и всех богов ценили!
Я так и сделаю. Подобная услуга
не требует речей. Я вспеню вал эгейский!
Я остров Миконос,²⁶ делийские утёсы,²⁷
и Скирос каменный, и величавый Лемнос,²⁸
и Кафрейский мыс²⁹ утопшими покрою!³⁰
Лети же на Олимп, и громовые стрелы
возьми из рук отца, и жди, пока ахейцы
всей армией начнут отвязывать канаты.
Глупец, кто города и храмы разрушает,
и усыпальницы, священный дом умерших.
Он пустошь создаёт и сам в ней погибает!

ГЕКУБА³¹

Встань же, бедная! Голову вверх от земли!
Шею вверх! Это место – не Троя уже,
я уже не царица троянских твердынь!
С переменчивым роком ты просто смиришь
и плыви по течению, плыви по судьбе,
судно жизни своей на волну не веди,
ты и так улетаешь по воле ветров!
Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!³²
Что мне, бедной, осталось, как не горевать?
Уничтожены родина, дети, супруг!
Слава предков моих! Словно парус морской
укорочена, ты превратилась в ничто!³³
Что мне пользы молчать? Что мне толку кричать?
Или жалобно петь?
Как мне плохо! Затёкшее тело болит!
Я сама не своя! Как мне тяжело лежать,
приминать эту жёсткую землю спиной!

²⁶ Миконос (Μύκονος) – греческий остров в Эгейском море.

²⁷ Делос (Δῆλος) – греческий остров в Эгейском море. В древности являлся могущественным государством.

²⁸ Скирос (Σκύρος) – крупный греческий остров в Эгейском море. Лемнос (Λήμνος) – тоже греческий остров в Эгейском море. Слов «каменный» и «величавый» нет в оригинале. Эти слова добавлены, чтобы избежать некрасивого соединения согласных «с»: «Скирос с Лемносом».

²⁹ Кафрей (Καφρεύς) – большой мыс в юго-восточной части острова Эвбея.

³⁰ Ли (с. 78): «Острова Миконос, Делос, Скирос и Лемнос, вместе в мысом Кафрей покрывают большую часть Эгейского моря и, таким образом, очерчивают территорию, на которой Посейдон намеревается наказать греков».

³¹ Начинается длинная монодия Гекубы, написанная и переведённая анапестами. Следует помнить, что русский анапест гораздо строже древнегреческого. В переводе дан строгий четырёхстопный и двухстопный анапест, в оригинале же этот размер сильно варьируется. В древнегреческом языке подобные вариации звучат выгодно, в русском же языке, как я считаю, предпочтительно придерживаться устойчивого размера.

³² В оригинале – «αἰαἰ αἰαἰ». В переводе два «ай» добавлены, чтобы соответствовать размеру. Наверное, можно перевести и так: «Боже мой! Боже мой!».

³³ Как отмечает Ли (с. 82), здесь используется мореходная метафора. Глагол «συστέλλω» означает «стягивать, подворачивать парус». Кроме очевидного прямого значения этого образа, есть ещё и второе значение – парус подбирают, чтобы судно лучше справлялось с ветром и шло быстрее. В словах Гекубы можно усмотреть и лёгкий намёк на то, что, хотя Троя и погибла, слава её теперь распространится по всему миру.

Голова вся горит! И стреляет в висках!³⁴
 Тянет, ломит в боку! Страсть как хочется мне
 распрямить позвоночник и, словно корабль,³⁵
 с боку на бок всем телом качаться весь день
 под печальные звуки струящихся слёз!
 Для страдальцев и крик, и стенанье, и плач –
 тоже музыка, пусть и не вторит ей хор!

Корабли остроносые, как вы неслись
 к Илиону священному, пеня веслом
 багрянистую хлябь, мимо тех берегов,
 где элладским судам так привольно стоять,
 под пэан ваших флейт, ненавистный душе,³⁶
 под приятный напев сладкозвучных сириг!³⁷
 Вы бросали на берег плетённый канат,³⁸
 плод работы искусных египетских рук –³⁹
 ай-ай-ай!⁴⁰ – прямо в гаванях Трои моей,
 начиная жену Менелая искать!
 Этой тварью и Кастор⁴¹ повержен в позор,
 и Эврот⁴² посрамлён до скончанья веков,
 и загублен Приам,
 породивший полсотни прекрасных детей!
 А убитую горем Гекубу, меня,⁴³
 ветер выбросил грубо на берег беды!
 Посмотри, как приходится мне восседать
 у шатров Агамемнона! Вот где мой трон!

³⁴ Пейли (с. 455): «Эти строки как-то неуместны здесь, потому что Гекуба переходит от душевных страданий к простым болям и телесным неудобствам, которым следовало бы не иметь никакого веса по сравнению [с душевными страданиями]». В ответ на это можно выдвинуть четыре возражения. Во-первых, назвать телесные боли и неудобства не имеющими никакого веса может лишь человек, никогда их особо не испытывавший. Остаётся порадоваться, что Пейли эти телесные страдания миновали. Но тот, кто действительно страдал от телесных недугов, будет более осторожен в своих суждениях. Во-вторых, древние греки не отделяли своего тела от окружающего мира. Их восприятие мироздания было в высшей степени телесным. Нет абсолютно ничего странного в том, что Гекуба переживает драму того, что с ней случилось, всем своим телом, выражает её языком, страданием своего тела. В-третьих, Пейли недооценивает гениальность Еврипида, как психолога. Гекуба специально переходит к разговору о страданиях своего тела именно для того, чтобы не умереть и не сойти с ума. Проще говорить о своей головной боли, чем о гибели своих детей. И, в-четвёртых, Пейли недооценивает гениальность Еврипида, как драматурга. Это ведь сценическая постановка. Следовательно, актёр обращается к зрителям, хочет вызвать их жалость. Конкретные страдания стоящего перед вами человека гораздо эффективнее в этом отношении, чем описание событий, которых зрители не видят.

³⁵ Ли (с. 83): «Заметьте, что мореходная метафора, начатая [ранее], проводится снова. Гекуба сравнивает качание своего тела с покачиванием судна.» Слов «словно корабль» нет в оригинале. Они введены для того, чтобы сделать метафору более явной.

³⁶ Пэ́ан (παῖαν) – хоровая лирическая песнь, часто в честь Аполлона. Ли (с. 86): «Пэан был военной песнью, и Гекуба называет его [ненавистным], потому что его звук предвещал падение Трои».

³⁷ Си́ринга (σῦριγξ) – древнегреческий музыкальный инструмент, род продольной флейты.

³⁸ Эта строка и последующая плохо сохранились.

³⁹ Корабельные снасти изготавливались в Египте из папируса (см. Ли, с. 86-7).

⁴⁰ В оригинале – «αἰαῖ». В переводе одно «ай» добавлено, чтобы соответствовать размеру. Наверное, можно перевести и так: «Боже мой!».

⁴¹ Ка́стор (Κάστωρ) – сын Тиндарея и Леды, брат Елены, знаменитый герой.

⁴² Эврот (Εὐρώτας) – река в Спарте. Здесь под Эвротом понимается вся Спарта.

⁴³ Эта строка плохо сохранилась.

Престарелой рабой
 я покину мой дом, источая печаль
 и белея бритой моей головой!
 Жёны бедные меднокопейных бойцов,
 с Троей встретивших смерть,
 вы, невесты, познавшие горестный брак,⁴⁴
 зарыдайте со мною! Сгорел Илион!
 Я, как мать ненаглядных пернатых птенцов,⁴⁵
 начинаю истошно над ними кричать,
 а ведь с песней иной
 опираясь на посох Приама-царя,
 я вела гимн богам и ударом ноги
 отбивала для хора фригийский размер!

ПОЛУХОРИЕ ПЕРВОЕ⁴⁶

Что кричишь ты, Гекуба? О чём говоришь?
 Что ты хочешь сказать? Слышно даже в шатре,
 как ты жалобно стонешь, как жутко кричишь!
 В сердце бедных троянок вселяется страх,
 и в шатре неустанно рыдают они
 над неволей своей!

Гек. Ах, родные! Уже на ахейских судах
 начинают движение руки гребцов!

Пол. Что мне делать? Скажи, как поступят со мной?
 Увезут ли по морю от милой земли?

Гек. Я не знаю, но мы несомненно в беде!

Пол. Боже мой! Боже мой!⁴⁷

Ах, троянки несчастные! Вашей беды
 скоро голос раздастся: «Эй, прочь из шатров!
 Аргивяне отправятся скоро домой!»

Гек. Э! Э!

Я прошу об одном:
 не давайте безумной Кассандре опять
 выходить из шатра,
 чтоб смеялись над ней
 аргивяне и множили муки мои!
 Боже мой! Боже мой!⁴⁸
 Троя, Троя! Ты пала! Тебя больше нет!
 Горе всем, кто расстанется ныне с тобой!
 И живые, и мёртвые – горе вам всем!

⁴⁴ Эта строка плохо сохранилась

⁴⁵ Эта строка и следующая плохо сохранились.

⁴⁶ Хор делится на два полухория, выходя на сцену по очереди. Эта партия тоже написана анапестами с большим количеством спондеев. В целях сохранения естественности звучания при переводе используются обычные четырёхстопные и двухстопные анапесты, без спондеев. Не нужно забывать о том, что в диалогах говорит с героями не весь Хор, но лишь его предводитель, Корифей (он специально не указывается).

⁴⁷ В оригинале традиционное восклицание горя – «iò ió».

⁴⁸ В оригинале традиционное восклицание горя – «iò ió».

ПОЛУХОРИЕ ВТОРОЕ

- Ах, беда! Вся дрожа, я ушла из шатра
 Агамемнона, чтобы сказала ты мне,
 как со мною, царица, несчастной рабой,
 аргивяне поступят, убьют или нет!
 Поднялись ли уже моряки на корму,⁴⁹
 чтобы вёсла в движение вновь привести?
- Гек. Ты не мучься так, милая! Духом воспрянь!⁵⁰
 Пол. Я к тебе прибежала, от страха дрожа!⁵¹
 К нам данайский глашатай уже приходил?
 Для кого я, несчастная, буду рабой?
- Гек. Скоро бросится жребий. Недолго нам ждать.
 Пол. А-а! А-а!⁵²
 Аргивянин ли, фтиец ли схватит меня,
 горемычную девушку, и увезёт
 на какой-нибудь остров из Трои моей?
- Гек. Боже мой! Боже мой!⁵³
 Кто старуху возьмёт?
 Где же, где же мне быть горемычной рабой?
 Я же трутень,⁵⁴ я только по виду жива,

⁴⁹ В оригинале – «πρόμνα», т.е. «корма» (у Еврипида множ. число). Это слово вызывает вопросы, потому что корма – не место для гребцов. Пейли (с. 458-9) говорит по этому поводу следующее: строка «описывает метод продвижения лодок и барж [boats and barges], который всё ещё широко применяется. Вёсла выставляется не в сторону, но с кормы, где приобретает силу рыбьего хвоста. Древние египтяне применяли такой же метод...» На это Ли справедливо возражает (с. 96): «Однако трудно уразуметь, зачем грекам нужно было пользоваться этим методом, который гораздо менее эффективен, чем гребля, и обычно применяется только в тех случаях, когда гребля невозможна или неудобна.» Предпринималась также попытка истолковать эту строку в том смысле, что моряки отвязывают канаты на корме, т.е. отдают швартовы, однако такой перевод был бы слишком вольным, так как не подкрепляется примерами из других авторов. См. подробное обсуждение этого места у Ли (с. 96). Ни Анненский, ни Шервинский не сохранили слово «корма» в своих переводах. У Анненского «мореходы вёсла спешно берут», а у Шервинского «моряки на судах готовятся вскидывать вёсла». В моём переводе сохраняется значение оригинала. Читатель, впрочем, волен заменить слово «корму» на слово «суда» («моряки поднялись на суда») и удалить проблему. Я же выдвину три довода в защиту оригинала. Во-первых, эти слова говорят женщины, троянки, которые наверняка ничего не смыслят в мореходстве. Им всё равно, что корма, что нос. Может быть, Еврипид пытается отразить эту безыскусность, чтобы придать словам женщин некую трогательность. Во-вторых, Еврипид не говорит, что моряки орудуя вёслами на корме. В оригинале: «ἢ κατὰ πρόμνας ἤδη ναῦται // στέλλονται κινεῖν κόπας», т.е. «или на кормах уже моряки // готовятся двигать вёсла» Моряки могут пока ещё стоять на корме и обсуждать, куда и как они будут грести – ещё до того, как занять свои места. И, в-третьих, слово «корма» может употребляться в расширенном значении, обозначая всё судно, точно так же, как мы иногда говорим «парус», имея в виду весь корабль. Видимо, и Анненский, и Шервинский придерживались этого объяснения. Как бы там ни было, следуя своим принципам перевода, я предпочитаю сохранять оригинал, а не менять его только потому, что не вполне его понимаю.

⁵⁰ В оригинале весьма проблемная строка. Перевод следует одному из толкований, которое мне представляется наиболее обоснованным. См. подробное обсуждение проблемы у Ли (с. 97).

⁵¹ Рукописи отдают эту строку Хору, однако некоторые редакторы (в том числе и Диггл) отдают её Гекубе. Я согласен с Ли (с. 97), что эта строка более уместна в партии Хора.

⁵² В оригинале – «ὦ ἰώ».

⁵³ В оригинале – «φεῦ», т.е. «увы, увы». Читатель может взять этот вариант, хотя он слишком короткий для принятого размера.

⁵⁴ Ли (с. 98) приводит одно из объяснений: «потому что она будет жить рабыней, на чужом иждивении». Хоты рабы трудятся, Гекуба вряд ли это сможет. Ли добавляет, что она «называет себя трутнем, потому что она слишком стара и немощна, чтобы приносить какую-либо пользу». Следует сказать, что слово «трутень»

а на деле я труп,
 мёртвый образ, летящий уже в пустоту!
 Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!⁵⁵
 Мне придётся теперь сторожить у ворот,
 беспросветно смотреть за чужими детьми,
 мне, великой царице троянских земель!

Хор⁵⁶ Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!⁵⁷ Ты какие слова
 подберёшь, чтоб оплакать несчастье своё?
 Я уже не смогу сквозь идейскую⁵⁸ ткань
 продевать неуёмный, проворный челнок!
 На прощанье взгляну я на мёртвых детей,⁵⁹
 на прощанье! Лишь горшая боль впереди,
 разделю я с каким-нибудь греком постель
 (проклинаю и ночь, и такую судьбу!),
 или жалкой рабыней, кувшин волоча,
 к благодатной Пирене⁶⁰ приду за водой.
 Оказаться бы мне в той счастливой стране,
 где потомки Тесевы мирно живут,⁶¹
 никогда бы не видеть бурлящий Эврот,⁶²
 ненавистной Елены безрадостный дом,
 и не стать Менелаю покорной рабой,

в древнегреческом языке, как и в русском – мужского рода, что добавляет горечи к словам Гекубы, которая даже уже не воспринимает себя женщиной. Она превратилось в старое, бесполезное «нечто».

⁵⁵ В оригинале – «αἰαῖ αἰαῖ». В переводе два «ай» добавлены, чтобы соответствовать размеру. Наверное, и здесь можно перевести, как «Боже мой! Боже мой!». Правда, тогда будет повторение с таким же восклицанием, поставленным на несколько строк выше.

⁵⁶ Хор теперь соединяется и поёт заключительную партию.

⁵⁷ В оригинале – «αἰαῖ αἰαῖ». В переводе два «ай» добавлены, чтобы соответствовать размеру. Наверное, можно перевести и так: «Боже мой! Боже мой!».

⁵⁸ Ёда (Ἰδα) – гора в окрестностях Трои. Здесь «идейская» означает «троянская».

⁵⁹ В рукописной традиции – «τεκέων σώματα λεύσσω», т.е. «посмотрю на тела детей». Эта строка вызывает нарекания у некоторых издателей, которые исправляют её так: «τοκέων δόματα λεύσσω», т.е. «посмотрю на комнаты детей». Нарекания вызваны как жестокостью смысла, так и тем соображением, что детей нет на сцене. Ли (с. 100) полагает, что подобные исправления «ухудшают смысл и никоим образом не соответствуют пафосу традиционного текста». Ли также считает, что детям не обязательно быть на сцене, потому что их можно увидеть «умственным взором» [«with the mind's eye»]. Я согласен с Ли. Более того, троянки никак не могут посмотреть на детские комнаты по той простой причине, что весь город охвачен огнём и, даже если бы эти комнаты оставались, женщин никто не пустил бы гулять по городу, потому что они находятся в плену. Конечно, детские комнаты тоже можно увидеть умственным взором, но тогда смысл станет ещё слабее. В начале трагедии Еврипида «Андромаха» героиня-троянка говорит, что её маленький сын, Астианакт, был убит на её глазах. Уничтожение детей врагов не было необычным явлением в те времена, поэтому Хор вполне может выражать желание проститься с телами детей. Впрочем, следует сказать, что слово «σώματα» не обязательно означает мёртвое тело, так что дети, возможно, живы и будут навсегда разлучены с матерями, т.е. отданы другим хозяевам. Этой интерпретации придерживается Пейли (с. 460), который переводит так: «Я буду оторвана от моих детей, чтобы стать рабыней моим порабощателям». Трудно сказать, что конкретно имеет в виду Еврипид. Я выбрал наиболее драматичное толкование. Впрочем, предлагаю и другие варианты перевода: «Напоследок взгляну на любимых детей» (если предположить, что дети живы) и «Напоследок взгляну на кровати детей» (если читатель предпочитает более мягкую интерпретацию).

⁶⁰ Пирэна (Πειρίνη) – источник в Коринфе, посвящённый Музам. Считался любимым водоемом Пегаса. Поэты совершали к нему путешествия, чтобы черпать вдохновение.

⁶¹ Т.е. в Афинах. Тесей или Тезей (Θησεύς) – 11-й царь Афин. Один из самых известных героев греческой мифологии.

⁶² Т.е. Спарту. Елена вышла замуж за спартанского царя Менелая.

негодяю, сгубившему Троию мою!

Дом Пеней,⁶³ богами обласканный край,
окаймивший Олимп неземной красотой!
Я слыхала, как роскошью он отягчён,
как обильно цветёт и приносит плоды!⁶⁴
Мне туда бы попасть, если нет мне пути
к славным детям Тесея, в божественный град!
Я слыхала, что Этна, Гефестова высь,⁶⁵
обращённая вдаль, к финикийской земле,⁶⁶
мать холмов сицилийских, за доблестный дух
награждает венками храбрейших бойцов!
Есть другая земля. Если морем поплыть
Ионийским, то близко увидишь её,⁶⁷
там прекраснейший Кратий⁶⁸ обильно течёт,
крася светлые волосы в огненный цвет,⁶⁹
и питает священной, чистейшей водой
эту землю, плодящую храбрых людей!

Вот идёт из данайского войска посол,
долгожданный податель новейших вестей!
Как спешит он, гляди! Как проворно идёт!
Что несёт он? Что скажет? Отныне мы все
лишь рабыни далёкой дорийской земли!⁷⁰

ТАЛФИБИЙ⁷¹

Гекуба, это я. Ходил я часто в Троию,
нося известия от армии ахейской.

⁶³ Пеней (Πηνειός) – бог фессалийской реки, а также сама река, протекающая близ горы Олимп. «Дом Пеней» – Фессалия. Ли (с. 105): «Низко лежащая долина Фессалии называется, не без причины, основанием или подножием горы Олимп, чьи южные склоны поднимаются на границе северной Фессалии».

⁶⁴ Фессалийская долина – самая плодоносная во всей Греции.

⁶⁵ Этна – гора и действующий вулкан, расположенный на восточном побережье Сицилии. Гефест (Ἥφαιστος) – бог огня, самый искусный кузнец, покровитель кузнечного ремесла. Ли (с. 106): «Гефест упомянут потому, что одна традиция приписывала вулканическую активность горы работе, которая выполнялась в его кузнице, расположенной под [горой]».

⁶⁶ Т.е. лежащая напротив Карфагена, который был основан финикийцами. Ли (с. 106): «нет ничего неестественного в том, чтобы применять название страны-матери к её колонии».

⁶⁷ Эта строка испорчена, и нет согласия по поводу её интерпретации. Перевод следует одному из вариантов.

⁶⁸ Кратий (Κράθις) – крупная река в южной Италии.

⁶⁹ Не совсем понятная строка, и я не нашёл пока внятного объяснения у комментаторов. Предполагаю, что вода Кратия настолько чиста, что светлые волосы купающихся кажутся огненными, блистая на солнце.

⁷⁰ Дорийцы (Δωριεῖς) – одно из основных древнегреческих племён. Здесь под «дорийской землёй» имеется в виду вся Эллада.

⁷¹ Талфибий (Ταλθύβιος) – вестник царя Агамемнона. Неоднократно упомянут в «Илиаде» Гомера. Появляется и у Еврипида в трагедиях «Ифигения в Авлиде» и «Гекуба». Ли (с. 109): «Как всё-таки замечательно Еврипид изобразил в этой сцене страх и волнение Гекубы, заставляя её задавать ряд коротких, настойчивых и нетерпеливых вопросов. Нервное возбуждение Гекубы оттеняется спокойным и деловитым поведением вестника. Он отвечает кратко на каждый её вопрос и заинтересован лишь в исполнении своей обязанности. Разные эмоциональные состояния героев отражены также в метрической аранжировке сцены. Все слова Талфибия произносятся ямбическими триметрами [в переводе – шестистопными ямбами – В.]. Гекуба, с другой стороны, выражается большей частью лирическими ямбами и дохмиями, самыми бурными [wildest] из лирических размеров».

- Талфибий. Помнишь ли? Мы хорошо знакомы.
Сегодня, женщина, пришёл я с вестью новой.
- Гек. Милые! Вот этого боялась я!⁷²
- Тал. Боялись вы судьбы? Оставьте. Жребий брошен.
- Гек. Ай-ай! Куда?
В град фессалийский? Скажи!
Во Фтию?⁷³ Во власть кадмейской страны?⁷⁴
- Тал. Вы были отданы не одному, но многим.
- Гек. Кому же? С какой троянкой судьба
легко обошлась?⁷⁵
- Тал. Я знаю, но спроси о каждой врозь, не вместе.
- Гек. Скажи мне, кто
Кассандру мою несчастную взял?
- Тал. Её забрал себе властитель Агамемнон.⁷⁶
- Гек. Чтобы собственной лакедемонской жене⁷⁷
дать рабыню? Ах, боже! Сплошная беда!
- Тал. Не так. Ей нужно стать наложницей внебрачной.
- Гек. Но Феб золотой, кудрявый наш бог,
ей сам преподнёс безбрачия дар!⁷⁸
- Тал. Любовь к пророчице в царя стрелой вонзилась.
- Гек. Связку ключей освящённых,
доченька, выбрось! И с тела
сдёрни гирлянды прекрасные!⁷⁹
- Тал. Не высшая ли честь – лежать с царём в постели?
- Гек. А младшую дочь куда увели?
Ах, горе!⁸⁰
- Тал. О ком ты говоришь? О юной Поликсене?

⁷² Эта строка испорчена.

⁷³ Фтия (Фθία) – государство в Центральной Греции, которым правил Ахилл.

⁷⁴ Т.е. в беотийские Фивы. Кадм (Κάδμος) – легендарный основатель этого города.

⁷⁵ Пейли (с. 462): «Потому что одни хозяева добрее других». Женщины, вероятно, думают не только о хозяевах, но и о месте, в которое отправятся. Попасть в Афины или на какой-нибудь богом забытый остров – большая разница.

⁷⁶ Ли (с. 115): «Это значит, что Кассандра не присуждалась по жребию, как прочие женщины, но была выбрана Агамемноном для себя». Энтон прибавляет (с. 337): «в качестве особой награды».

⁷⁷ Т.е. Клитемнестра. Клитемнестра (Κλυταιμνήστρα) – дочь Леды и Тиндарея, супруга Агамемнона, сестра Елены. Лакедемон (Λακεδαίμων) – альтернативное название Спарты. Пейли (с. 462): Клитемнестра, «как её сестра, Елена, называется спартанской, по [родине] её отца, Тиндарея».

⁷⁸ Гекуба из уважения к богу называет его наказание «даром». Кассандра (Κασσάνδρα) была очень красивой. Аполлон влюбился в неё и наделил её пророческим даром. Но Кассандра, получив дар, не ответила Аполлону взаимностью. Бог не мог или не захотел взять обратно свой дар, поэтому он наказал Кассандру, сделав так, что её предсказаниям никто не верил. Возможно, он не стал отнимать свой дар именно потому, что с его помощью хотел наказать девушку.

⁷⁹ Энтон (с. 338): «Жрец или жрица храма всегда носили гирлянду, опоясывающую им лоб, а на бедре – ключи от священного здания». Пейли (с. 463): «Весьма неясно, как эти [гирлянды] носились». Кассандра была жрицей Аполлона, и, следовательно, носила на себе ключи от храма этого бога. Ли пишет (с. 177), что Гекуба «уговаривает Кассандру отбросить священные эмблемы [т.е. храмовые ключи и гирлянды – В.], <...>, вероятно, чтобы избежать насмешек <...> или чтобы предотвратить осквернение этих эмблем». Во-первых, если бы греки хотели осеять Кассандру, они бы это сделали раньше, а не теперь, когда девушка стала наложницей их вождя. И, во-вторых, разве бросание священных эмблем в грязь не является осквернением? Думается, Гекуба хочет выразить своё негодование Аполлоном, который никак не спасает свою любимую жрицу. Возможно также, это просто истеричный выкрик, призывающий к такому же истеричному, бессельному действию.

⁸⁰ Это восклицание считается подложным.

- Гек. Её с кем жребий связал?
Тал. Она приставлена к могиле Ахиллеса.⁸¹
Гек. Ах, боже! Я мать могильной рабы!
Закон ли, обычай велит,
чтоб греки творили подобное?
Тал. Порадуйся за дочь. Она счастливой стала.
Гек. Ты о чём?
Солнечный свет она видит ли?
Тал. Ей выпала судьба, свободная от горя.
Гек. А что стало с Андромахой, женою Гектора,
одетого в медь? Бедняжка-то где?
Тал. И эту взял себе достойный сын Ахилла.
Гек. А чьей же я буду слугой? Я хожу ведь с посохом,
как с третьей ногой, в дрожащей руке?
Тал. Тебя взял Одиссей. Поедешь на Итаку.
Гек. Э! Э!
Стучи по бритой голове!⁸²
Щёку двустворчатую⁸³ рви ногтями!
Ах, боже мой!
Хитрецу богомерзкому⁸⁴ должна я стать рабой,
крушителю прав, преступной змее,
он повернёт всё вокруг туда-сюда,⁸⁵
всё перетолкует своим двояким языком,
к любимым вещам внушит нелюбовь!
Рыдайте по мне, троянки⁸⁶ мои!
Вот и конец мне пришёл!
Мне жребием несчастнейшим
беда суждена!
- Хор Ты знаешь, госпожа, своей судьбы решение.
А нас-то кто возьмёт, ахеец или эллин?⁸⁷

⁸¹ Как отмечает Пейли (с. 463), «эта фраза намеренно нечётка по смыслу [purposely ambiguous]». Поликсена была принесена в жертву на могиле Ахилла (её смерть Еврипид описывает в трагедии «Гекуба»). Талфибий либо не хочет слишком расстраивать старуху, питая к ней некоторую симпатию, либо не желает становиться участником слишком сильной сцены горя (возможно, даже стыдясь того, что сделали с Поликсеной) и предпочитает, чтобы Гекуба узнала всю правду от кого-нибудь другого.

⁸² Голову обривали в знак скорби.

⁸³ Именно так в оригинале – «δίττωχον παρειάιν». Некоторая манерность языка, свойственная Еврипиду. Вот вариант перевода, звучащий естественнее: «И с двух сторон терзай ногтями щёки!» или «И обе щёки разрывай ногтями!»

⁸⁴ В оригинале крепкое слово – «ψωβρός». Ли (с. 122): «Это очень сильное унижительное слово, “мерзкий, поганый, отвратительный”. Еврипид употребляет это слово часто, но оно не встречается ни у Эсхила, ни у Софокла».

⁸⁵ Эта строка и следующая плохо сохранились, и возникает путаница с размером и распределением строк. Текстологические проблемы продолжаются до конца этой строфы. Перевод следует лишь одному из вариантов восстановления текста.

⁸⁶ Ли (с. 122) не без основания полагает, что слово «троянки» было изначально чьим-то примечанием и вкралось в текст случайно. По мнению исследователя, в тексте должно быть слово «женщины». Перевод следует традиционному прочтению. Впрочем, вот вариант без слова «троянки»: «Рыдайте по мне, подруги мои!»

⁸⁷ Обычно у Еврипида слова «ахеец» и «эллин» (и производные от них) являются синонимами. Здесь, однако, подразумевается различие между ними. Ли (с. 123) объясняет, что «ахеец» означает «житель Пелопоннеса», а «эллин» – житель Северной Эллады.

- Тал. Ну всё. Рабы, вперёд! Кассандру приведите!⁸⁸
 Да поскорее же! Я должен, полководцу
 доставив девушку, немедленно заняться
 распределением и прочих знатных пленниц.
 А! Что горит внутри? Чей факел там пылает?
 Что делают они? Шатёр зажгли троянки,
 когда услышали, что их решили в Аргос
 отсюда увезти? Они горят желаньем
 отведать пламени? Свободным людям тяжело
 на шею надевать ярмо больших несчастий!
 Эй, вы! Откройте дверь! Я в деле, им полезном,
 ахейцам горестном, не буду виноватым!
- Гек. Да не горит никто! Вон дочь моя, Кассандра,
 безумная душа, из дома выбегает!

КАССАНДРА

Дай света! Факел вверх! С молитвой озарю –
 смотри! смотри! –
 лампадами храм! Ах, царь Гименей!⁸⁹
 Как мой супруг блажен!
 Блаженна и я, женой становясь
 властителю аргосскому!
 Ах, Гимен, Гимен!⁹⁰ Господин!
 Пока ты, мать, вся таешь в слезах,⁹¹
 по мёртвому отцу, по родине стенаешь
 родной, потерянной навек,
 на свадьбе собственной сама⁹²
 лучистый факел я зажгу,
 и блеск, ласкающий глаза,⁹³
 отдам тебе я, Гименей,
 отдам, Геката,⁹⁴ и тебе
 в целомудренном браке,
 как велит закон!

Танцуй! Стучи ногой! Веди, веди свой хор! –
 эван! эвой!⁹⁵ –

⁸⁸ Ли (с. 123): «Талфибий не отвечает на вопрос женщин, но резко меняет тему разговора. Причина этого ясна. В подробном рассказе о хозяевах и местах назначения участниц хора нет необходимости, это было бы и утомительно.»

⁸⁹ Гименей (Ἰμηναιος) – божество брака, также брачная песнь.

⁹⁰ Гимен (Ἰμην) – возглас в брачной песне.

⁹¹ Вторая половина этой строки плохо сохранилась.

⁹² Ли (с. 128): «Кассандра мягко упрекает Гекубу за то, что она погрузилась в свои страдания и пренебрегает обязанностями матери невесты». Роль матери была очень важна во время брачной церемонии. Кассандре приходится самой выполнять обряды, которые обычно ложатся на мать.

⁹³ В оригинале красивая аллитерация – «ἐς αὐγάν, ἐς αἴγλαν». Пейли переводит тоже красиво (с. 466): «I <...> am lighting up this blaze for a gleam and a glare».

⁹⁴ Геката (Ἐκάτη) – богиня лунного света, преисподней, ведьм, ядовитых растений и вообще колдовства. Ли (с. 129): «Богиня, чьи функции часто совпадают с функциями Артемиды». Артемида (Ἄρτεμις) – девственная богиня охоты, богиня плодородия, женского целомудрия, покровительница всего живого на Земле, дающая счастье в браке и помощь при родах.

как в лучшие дни, ещё при отце!
 Священен хоровод!
 Приди, Феб, ко мне! Я в лаврах твоих,
 в твоём я храме жертвую!
 Ах, Гимен! Гимен! Гименей!
 Танцуй же, мать! Танцуй же со мной!
 Кружиться начинай! Поставим ноги рядом!
 Стреми великолепный шаг!
 Приветствия кричи, кричи!
 Венчальным гимном пожелай
 невесте счастья и любви!
 Фригийки в платьях золотых,
 прославьте звонким гимном брак
 с превосходным супругом,
 посланным судьбой!

- Хор Царица, удержи неистовую дочь,
 иначе лёгкий шаг умчит её к аргивцам!
- Гек. Гефест! У нас, людей, на свадебных пирах
 ты носишь факелы, но стал огонь твой скорбным.
 Вот крах больших надежд! Какой удар, дитя!
 Я и не думала, что под копьём аргосским
 ты будешь праздновать свой окаянный брак!
 Дай факел! Это стыд в руке твоей пылает!⁹⁶
 Больна ты, доченька, и в беготне своей
 всё разум не найдёшь, безумной оставаясь.
 Долой же факелы! Троянки, вы теперь
 все песни брачные на слёзы обменяйте!
- Кас. Ты, мать, венчай меня венком победоносным!
 Порадуйся тому, что я царицей буду!
 Веди меня к царю! Когда же заупрямлюсь,
 толкай меня вперёд! И если светит Локсий,⁹⁷
 то приобрёл жену страшной любой Елены
 ахейских армий вождь, наш славный Агамемнон!
 Я погублю его, дворец его разграблю!⁹⁸

⁹⁵ В оригинале – «εὖν εἰοῖ». Это вакхические восклицания. Первое традиционно передаётся по-русски, как «эвоэ!», однако здесь этот вариант не подойдёт по размеру. Анненский тоже отвергает его, переводя «Эван, эвой!».

⁹⁶ Трудная строка. В оригинале – «παράδος ἐμοὶ φῶς: οὐ γὰρ ὀρθὰ πυρφορεῖς», т.е. «передай мне факел: ведь (ты его) не прямо держишь». Пейли (с. 467) переводит именно так и прибавляет комментарий: «возможно, потому что это являлось плохой приметой». И Анненский, и Шервинский понимают эту строку так же, как и Пейли. Кассандра либо держит факел неровно, что является плохой приметой, либо девушка безумствует и может случайно поджечь шатёр (такая интерпретация тоже существует, см. Ли, с. 133). Ли (там же), считает подобное толкование «неуместным» и пишет следующее: «Конечно, Гекубу мало бы заботили такие подробности ритуала перед лицом безумствующей дочери, которая празднует фальшивую свадьбу. Это выражение, скорее, означает ‘ты не несёшь факел при надлежащих обстоятельствах’, т.е. ты унижаешь себя и свою семью, ведя себя так, будто твоё сожительство – истинный брак». Я согласен с Ли, и мой перевод, хоть и несколько отступает от буквы оригинала, тем не менее, верно передаёт мысль Гекубы.

⁹⁷ Локсий (Λοξιάς), т.е. «Извилистый», «Запутанный (в своих вещаниях)» – культовое имя Аполлона.

⁹⁸ Ли (с. 134-5): «Кассандра имеет в виду, конечно, только то, что она станет *причиной* гибели Агамемнона. Она так захвачена своей ролью в этом деле, что выражается в первом лице, будто сама будет зачинщицей несчастья». Агамемнон будет зарублен либо любовником своей жены, Клитемнестры, либо самой

в отместку за отца и драгоценных братьев!
 Теперь молчание! Не воспою секиру,
 готовую и мне, и прочим⁹⁹ взрезать шею,
 и казнь той матери, которую погубит
 моё замужество,¹⁰⁰ и крах семьи Атрея!¹⁰¹
 Я лучше докажу, что город наш блаженной
 ахейских городов. Хоть я теперь беснуюсь,
 но приостановлю безумие вакханки.¹⁰²
 Из-за одной жены, из-за одной Киприды¹⁰³
 погибли тысячи, охотясь на Елену!
 Военачальник их в погоне за враждебным
 любимое сгубил,¹⁰⁴ покинул дом счастливый,
 забыл своих детей из-за супруги брата,
 похищенной, заметь, охотой, а не силой!¹⁰⁵
 Как только вышел враг на берега Скамандра,
 то начал погибать – не за свои границы
 и не за дом родной в кольце высоких башен!
 Кого забрал Арес,¹⁰⁶ детей своих не видит,
 ладонями жены он в пеплос не завёрнут,
 но спит в чужой земле. Всё горестно и дома,
 там вдовы старятся, там старики бездетны,
 возрастившие детей на службу незнакомцам,¹⁰⁷
 и некому полить могилы тёплой кровью.¹⁰⁸

Клитемнестрой. Кассандру тоже лишат жизни. В трагедии Еврипида «Елена» Клитемнестра говорит, что погубила мужа из-за Кассандры (в числе прочих серьёзных причин).

⁹⁹ Ли (с. 136): «Расплывчатость этого слова, обозначающего людей, которых аудитория знает, придаёт строкам зловещий оттенок». Возможно, вместе с Агамемноном были зарезаны и рабы, приведённые из Трои. Возможно также, что множественное число употреблено намеренно, чтобы выразиться как можно неопределённое. Хотя это явно не входит в намерение автора, но всё-таки вот вариант строки, в котором неопределённость устранена: «которая и мне, и мужу шею вспорет».

¹⁰⁰ Кассандра говорит о Клитемнестре, которую, мстя за отца, зарежет её собственный сын, Орест. Эти события описываются Еврипидом в его трагедии «Елена».

¹⁰¹ Атрей (Ἀτρείς) – царь Микен, отец Агамемнона и Менелая.

¹⁰² Ли (с. 136): «Еврипид пытается рационализировать то, что Кассандра приводит ясные и чёткие аргументы.» Ли считает эти слова неловкими и странными. Действительно, бесноватым не свойственно по собственному хотению прерывать беснование и какое-то время изъясняться логически. Впрочем, нам следует помнить о том, что Кассандра вдохновлена Аполлоном, а для бога нет ничего невозможного.

¹⁰³ Киприда – прозвище богини любви, Афродиты, которая родилась из морской пены у берегов острова Кипр. Здесь, как и нередко у Еврипида, слово «Киприда» означает «любовь, страсть».

¹⁰⁴ Агамемнон вынужден был принести в жертву свою дочь, Ифигению. Об этом рассказывается в трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде».

¹⁰⁵ См. у Геродота: «До сих пор происходили только временные похищения женщин. Что же до последующего времени, то, несомненно, тяжкая вина лежит на эллинах, так как они раньше пошли походом в Азию, чем варвары в Европу. Похищение женщин, правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Во всяком случае, мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели. По словам персов, жители Азии вовсе не обращают внимания на похищение женщин, эллины же, напротив, ради женщины из Лакедемона собрали огромное войско, а затем переправились в Азию и сокрушили державу Приама. С этого времени персы всегда признавали эллинов своими врагами. Ведь персы считают Азию и живущие там варварские племена своими, Европа же и Эллада для них – чужая страна.» (История 1.4) Пер. Г.А. Стратановского.

¹⁰⁶ Арес или Арэй (Ἄρης) – бог войны. Соответствует римскому Марсу.

¹⁰⁷ Т.е. Агамемнону и Менелаяю.

Такой вот похвалы их армия достойна.¹⁰⁹
 На мерзости её не буду тратить голос
 и музу принуждать злодейство гимном красить.
 За родину свою троянцы погибали,
 вот слава лучшая! Кто был копьём пронизан,
 того несли друзья к дверям родного дома,
 в земле отечества покоится погибший,
 обряжен по-людски, прилежными руками.
 Бойцы фригийские, что в битве уцелели,
 шли вечером домой, к жене, к любимым детям,
 но этих радостей не ведали ахейцы.
 Ты убиваешься по Гектору? Но слушай!
 Он удалился в смерть, покрытый вечной славой
 благодаря вот им, захватчикам ахейским.
 Не напади враги, он умер бы безвестным!
 Парис твой был женат на дочери Зевеса!
 Брак с местной девушкой протёк бы незаметно.¹¹⁰
 Разумный человек желать войны не станет,
 но если враг пришёл, венцом достойной смерти
 украсит город свой! А трус умрёт бесславно.
 Не надо родину оплакивать, родная,
 и мой несчастный брак. Я скопище злодеев,
 нам ненавистнейших, тем браком уничтожу!

Хор Над бедами семьи так сладко ты смеёшься,
 поёшь пророчества – нелепые, быть может!¹¹¹

Тал. Когда бы Аполлон твой разум не расстроил,
 не безнаказанно бы наших полководцев
 такими песнями домой ты провожала!
 Но и глубокий ум, снискавший уваженье,
 порой не отличить от полного безумства.
 Великий человек, властитель всей Эллады,¹¹²
 Атреев лучший сын – и так позорно в сети
 к менаде угодил! Хоть я довольно беден,
 я эту женщину не приводил бы в спальню!¹¹³
 Ты сумасшедшая, и пусть уносит ветер
 упрёки Аргосу и похвалы фригийцам!
 Я позабуду всё. Иди за мной на пристань,
 чудесная жена большого полководца!¹¹⁴

¹⁰⁸ В дар мёртвым полагались возлияния крови жертвенных животных или вина. Жидкость предпочиталась потому, что она впитывается в землю и, значит, просачивается к мертвецам.

¹⁰⁹ Эта строка и две последующие иногда объявляются подложными.

¹¹⁰ Вариант перевода этой строки, который волен, но мне нравится больше: «Каким ещё родством наш дом бы так вознёсся?»

¹¹¹ Ли (с. 141): «Хор, вполне естественно, не соглашается с выводами Кассандры. Его замечания, вызванные здравым умом и реалистичной оценкой ситуации, находятся в резком контрасте с пророческим взглядом Кассандры. В конце концов [Хор] узнаёт, как знаем мы, зрители, что видения Кассандры были всё-таки вполне [‘лепыми’]. Но осознание этого придёт лишь после того, как проиграны трагедии как Греции, так и Трои, во время, находящееся за рамками этой пьесы».

¹¹² Имеется в виду, командующий всем греческим войском.

¹¹³ Другими словами, я сделал бы её своей рабыней, но не стал бы с ней сожительствовать (см. Ли, с. 143).

¹¹⁴ Талфибий мягко издевается над ней.

А ты¹¹⁵ потом пойдёшь, как скажет сын Лаэрт¹¹⁶.
 Рабыней будешь ты у женщины достойной,¹¹⁷
 все это говорят, кто в Илион приехал.
 Как ловок этот раб!¹¹⁸ Откуда честь такая
 посланцам всяческим? Ведь люди ненавидят
 приспешников царей, прислужников народных!
 Ты только что сказал, что в доме Одиссея
 жить будет мать моя? А речи Аполлона?
 Он объясняет мне, как верный толкователь,
 что мать погибнет здесь. Ни слова о позорном!¹¹⁹
 Несчастный человек¹²⁰ не знает бед грядущих!
 Мои страдания и горести фригийцев
 он золотом сочтёт! К десятилетней бойне
 прибавив десять лет блужданий безутешных,
 вернётся он домой, <с трудом избегнув смерти>¹²¹
 там, где двойной пролив сжимается камнями
 Харибды бешеной.¹²² С пещерным людоедом,
 Киклопом,¹²³ встретится и с Киркой лигурийской,¹²⁴
 ваяющей свиней.¹²⁵ Крушенье в море терпком,
 влечение к лотосам,¹²⁶ священные коровы.
 Их мясо Гелиос, пугая Одиссея,
 заставит замычать.¹²⁷ Рассказ теперь закончу:

¹¹⁵ Обращается к Гекубе.

¹¹⁶ Т.е. Одиссей, сын Лаërта (Λαërτης), царя Итаки.

¹¹⁷ У Пенелопы (Πηνελόπη), действительно, одной из самых приятных героинь греческой мифологии. Нет никакого сомнения в том, что она обращалась бы с Гекубой очень хорошо.

¹¹⁸ Возможен и такой вариант перевода: «Как дерзок этот раб!»

¹¹⁹ Слова, загадочные для многих из нас, но вполне понятные античным зрителям. Гекуба бросилась в море и стала собакой, когда Одиссей уводил её в рабство. Позор и заключается в том, что царица великой Трои стала животным. Кассандра не хочет ещё больше расстраивать свою мать рассказом о её совсем недалёком будущем.

¹²⁰ Одиссей. Кассандра кратко перечисляет некоторые эпизоды из будущих странствий Одиссея. Речь её становится всё более обрывистой. Необычный синтаксис этих строк заставил некоторых редакторов считать рассказ Кассандры подложным. Ли (с. 146) считает, что стиль этих строк вполне соответствует нервной речи пророчицы, и я склонен согласиться с ним, хотя эти строки, действительно, написаны не свойственным Еврипиду языком. Нижеследующие события упоминаются в «Одиссее» Гомера: песнь XII (Харибда), песни IX и XII (Киклоп), песнь X (Кирка), песнь V (кораблекрушение), песнь IX (поедание лотосов), песнь XII (быки Гелиоса) и песнь XI (сошествие в Аид). Греческим зрителям приключения Одиссея были хорошо известны, поэтому не было никакого смысла пересказывать их подробно.

¹²¹ Считается, что здесь была несохранившаяся строка. Я заполнил её наполовину материалом из предыдущей строки, чтобы не урезать его, и реконструировал вторую половину.

¹²² Харибда (Χάρυβδις) – морское чудище. Вместе со Скиллой или Сциллой (Σκύλλα) обитало в проливе под морскими скалами, находившимися одна от другой на расстоянии полёта стрелы.

¹²³ Имеется в виду Полифём (Πολύφημος) – жестокий великан-циклоп, сын бога Посейдона. Ослеплён Одиссеем и его товарищами.

¹²⁴ Лигурия (Liguria) – область Италии на северном побережье Лигурийского моря.

¹²⁵ Кирка или Цирцея (Κίρκη) – дочь Гелиоса и океаниды Персеиды, колдунья. Временно превратила спутников Одиссея в свиней, а его самого продержала год в плену на своём острове, впрочем, в неге и довольстве.

¹²⁶ Одиссей и его спутники оказались на одном из островов, где росли лотосы. Тот, кто отведал этих цветов, утрачивал память и о себе, и о цели своего путешествия.

¹²⁷ Богу солнца, Гелиосу, принадлежало семь стад, в каждом из которых было пятьдесят чудесных быков, символизировавших триста пятьдесят дней в году (по летоисчислению греков). Во время странствий Одиссей приплыл к этому острову, хотя и знал о тяжелой каре, которая ожидает тех, кто посягнет на этих священных быков. Но спутники Одиссея были голодны, а попутного ветра, чтобы покинуть остров, всё не

живым сойдя в Аид, избегнув бездны моря,
он море новых бед найдёт в своём же доме.

Но зачем я возвещаю Одиссеевы мытарства?¹²⁸
Ты веди меня скорее к жениху, в Аид, венчаться!
Подлеца зарюют подло, даже и не днём, а ночью,
мнящего себя героем предводителя данайцев!
А меня, раздетой, мёртвой, выбросят в овраг, шипящий
водами дождей осенних, около могилы мужа,
чтобы звери растерзали тело жрицы Аполлона!
Ленты¹²⁹ сладостного бога,¹³⁰ украшения вакханки,
вы прощайте! Кончен праздник, приносивший столько счастья!
Вас теперь срываю с плоти, ныне девственной и чистой,
пусть несёт вас быстрый ветер! Принимай их, царь вещаний!
Где же судно полководца? Как мне на него подняться?
Эй, вперёд! Не нужно медлить! Паруса наполни ветром
и одну из трёх Эриний¹³¹ увози скорей отсюда!
Мать, прощай! Не надо плакать! О, родимая отчизна!
Братья, ждите под землёю! Жди, отец, нам солнце давший!
Скоро с вами я увижусь! Я приду с победой к мёртвым,
уничтожив дом Атридов, от которых мы погибли!

Хор	Вы, стражницы седой Гекубы! Не видали, что госпожа без слов на землю повалилась? Вам лень её держать? Вы бросите, злодейки, старуху на земле? Давайте, поднимайте!
Гек.	Оставьте, девушки! Не милы ваши ласки! Ах, дайте полежать! В падении вся ценность мучений нынешних, и прошлых, и грядущих! О, боги! Что я вам, союзникам прескверным! Но есть какой-то смысл в божественных молитвах, когда молящего уничтожает горе. Сначала воспою моё былое счастье, чтоб к бедам нынешним скорее вызвать жалость. Я рода царского, и я была царицей, я мужу родила детей великолепных,

---

было. Воспользовавшись тем, что Одиссей отправился осматривать остров и по дороге заснул, мореходы поймали, убили и съели нескольких животных, мясо которых мычало на вертелах в знак гнева богов. Еврипид здесь упоминает только коров, не быков.

¹²⁸ Кассандра завершает свою речь трохеическими тетраметрами, призванными передать её крайнее волнение. Для русского перевода трагедии это опасный размер, потому что напоминает русские частушки, отчего теряется античный колорит. Чтобы ослабить эту связь, весь отрывок переведён женскими окончаниями.

¹²⁹ Ли (с. 151): «Это шерстяные ленты, которыми [Кассандра] обвязала голову – символы того, что она посвящена Аполлону. Она их теперь драматически срывает в знак того, что она больше не принадлежит богу».

¹³⁰ Ли (с. 151): «Прилагательное [*сладостный*] психологически интересно. Евр[ипид] описывает весьма человеческую перемену в Кассандре. С течением времени её антипатия к привлекательному юному богу ослабела, и теперь, когда её собираются силой увести из его храма, вещи видятся ей совсем в ином свете. Её жреческие труды кажутся приятными, и Аполлон, уже далеко не назойливый ухаживатель ранних дней, стал [*сладостным богом*].»

¹³¹ Эр[инии] (Ἐρινύες «гневные») – богини мести.

гордясь не их числом, но славой меж фригийцев.
 Ни в странах варварских, ни в Трое, ни в Элладе
 никто из матерей такой хвалы не стоит!
 Всех сыновей моих поубивали греки,
 я локоны мои носила на могилы.¹³²
 Приама, их отца, не вслед чужим рассказам¹³³
 оплакивала я, но был зарезан муж мой
 на этих вот глазах пред алтарём домашним,
 когда наш город пал! А дочерей, рождённых
 для лучших женихов, для избранных замужеств,
 подонки пришлые из рук моих забрали!
 Никто из дочерей меня уж не увидит,
 и я не посмотрю на девочек родимых!
 Но в довершение всех бедствий, всех несчастий
 рабыней дряхлую прибуду я в Элладу.
 Трудом, негоднейшим для старости печальной,¹³⁴
 замучают меня, мать Гектора-героя,
 ворота сторожить, ключи носить заставят,¹³⁵
 а то и хлеб месить,¹³⁶ и сморщенной спиной
 ложиться на земле, а не в постели царской!
 Как стыдно променять роскошные одежды
 на ветошь грязную, на жалкие лохмотья!¹³⁷
 Ах, я несчастная! За брак одной из женщин¹³⁸
 как настрадалась я, и выстрадаю сколько!
 Кассандра! Дочь моя, вакханка в танцах божьих!
 Среди каких невзгод ушла твоя невинность!¹³⁹
 И ты, страдальца! Ты где же, Поликсена?
 Я столько родила и дочерей прекрасных,
 и славных мальчиков! Кто мне поможет, бедной?
 Что поднимать меня? Какой надеждой тешить?
 Меня, ступавшую с достоинством по Трое,
 ведите в рабский плен, к соломенной подстилке,
 к подушке каменной!¹⁴⁰ Упасть хочу, погибнуть,

¹³² Традиционная жертва мёртвым – локон, срезанный с головы близкого человека.

¹³³ Удачная фраза, «вслед чужим рассказам», заимствована из перевода Шервинского.

¹³⁴ Более точный перевод – «для старости вот этой» («γῆρα τῶδ'»). Читатель, предпочитающий точность поэтичности, волен принять этот вариант.

¹³⁵ Старуху нельзя заставить много работать, и сама эта работа физически не сложна. Гекубу мучает сам факт того, что ей, которая всю жизнь была царицей, придётся выполнять чужие приказания.

¹³⁶ Это навряд ли. Они будут бояться, что Гекуба их отравит.

¹³⁷ Повторю, что Гекуба явно сгущает краски. Впрочем, она может и не знать того, что знаем мы. А мы знаем по описаниям дома Одиссея в поэме Гомера, что дом это был более чем приличным, чистым, богатым, что все там были хорошо одеты и накормлены, включая рабов. Но царице, привыкшей ходить в золоте и шелках, обычная одежда покажется лохмотьями, а любая скромная постель – голой землёй. Повторю, что добродетельная Пенелопа вряд ли обращалась бы со старухой плохо и перегружала её работой. Более того, Одиссей был бы весьма заинтересован в том, чтобы старуха прожила как можно дольше. Иметь царицу Трои у себя в рабынях очень лестно, и нет никакого сомнения в том, что хозяева дома сделали бы всё, чтобы растянуть это удовольствие. Поэтому жизнь Гекубы в доме Одиссея была бы вполне сносной.

¹³⁸ Елены.

¹³⁹ Ли (с. 159): «Гекуба так потрясена предстоящим внебрачным сожительством Кассандры, что она выражается так, будто бы девушка уже потеряла невинность».

рыданьем изойти!¹⁴¹ Пусть ни один из смертных
счастливец не слышит, пока не ляжет в землю!

Хор Ты мне воспой Илион,
Муза, новым гимном,
и пусть в слезах растворится твоя погребальная песнь!
Я с тобой буду петь о возлюбленной Трое!
Из-за четвероногой повозки¹⁴²
захватили меня аргосцы, горемычную!
Коня, бряцавшего в лазурь¹⁴³
смертельной сбруей золотой,¹⁴⁴
ахейцы подвели к вратам,
народ же громко закричал
с троянской каменной стены:
«Вперёд! Закончим славный труд!»¹⁴⁵
Да примет этого коня
дочь Зевса в илионский храм!
И кто же не покинул дом
из девушек¹⁴⁶ и стариков?

¹⁴⁰ В оригинале – «πέτρινα τε κρήδεμνα». Ли (с. 160): «Это слово [κρήδεμνα] обозначает женскую головную повязку, но употребляется здесь в расширенном значении ‘место для головы, подушка’».

¹⁴¹ Сложный двойной образ: с одной стороны, Гекуба как бы просит позволить ей упасть на соломенную подстилку и преклонить голову на каменную подушку, а, с другой стороны, она хочет, чтобы её отвели на покрытую сухой травой вершину скалы, откуда она с плачем бросится в море. Мне кажется важным оставить сухую траву на скале (соломенную подстилку) и саму скалу (каменную подушку) намёком, как в оригинале. Это сохранит трагическую неясность образа. Гекуба как бы внешне смиряется со своим рабством, но мы-то знаем, что она замышляет совсем другое. Иначе сложность образа уничтожается, как в переводе Анненского: «А вы, что поднимали // Меня, направьте нежные стопы, // Царицыны когда-то, но теперь... // Невольничьи, с подстилкою моей // Соломенной, к кремнистому обрыву, // Чтоб, истомясь слезами, я с него // Упала вниз и умерла.» Более того, здесь непонятно, зачем Гекубе нужно брать с собой соломенную подстилку, если она собирается броситься в море со скалы. Шервинский тоже делает еврипидовский образ поверхностным: «Стопы, когда-то гордые, теперь // Невольничьи, на одр спешите смертный, // На край скалы,— с него, насытись плачем, // Я брошусь...» У него соломенная подстилка вообще исчезает, сменяясь каким-то «одром смертным».

¹⁴² В оригинале так же: «тетραβάμονος ὡς ὄλ' ἀλῆνας». Еврипид описывает этими словами Троянского коня, въехавшего в Трою на повозке.

¹⁴³ Это место иногда понимается как описание лязга оружия воинов, спрятанных внутри коня. Такое понимание вряд ли может быть верным. Лязг оружия непременно выдал бы греков. Пейли (с. 476) считает, что здесь описывается «громкий скрежет и рокот при движении машины». Ли (с. 165) не вполне с этим согласен: «Я думаю, однако, что поэт намеревается не столько описывать шум, производимый конём или внутри [коня], сколько намекнуть на фатальную природу этой конструкции». Я считаю, что такое огромное деревянное сооружение, безусловно, скрипело на ветру, и создавалось впечатление, будто конь издаёт громкое ржание, достигающее небес. Более того, Хор поёт из будущего, со знанием того, что произошло впоследствии, поэтому лязг оружия греков, который действительно раздался после того, как статуя была введена в город, может наслаиваться в сознании Хора на скрежет коня, когда тот ещё стоял у ворот. Временные смещения нередки в поэзии такого рода. В переводе два образа, бряцания и золотой сбруи, объединены в один.

¹⁴⁴ Конь был посвящён Афине, покровительнице греков, поэтому он был соответственным образом украшен.

¹⁴⁵ Более точный, но менее поэтический перевод: «Вперёд, закончившие труд!»

¹⁴⁶ Иногда текст Еврипида исправляется так, чтобы вместо «девушек» стало «юношей». Пейли, например, пишет (с. 477): «Противопоставление [старикам] требует упоминания мужского пола, и очевидно, что девушки не занимались трудоёмким волочением [коня]». Ли возражает Пейли (с. 167): «Нет нужды воображать, что Еврипид всегда уравнивал свои предложения, и не трудно предположить, что [девушки] тоже присутствовали, чтобы [петь песни]». Я согласен с Ли в том, что не стоит править еврипидовский текст. Объяснение представляется мне довольно простым и логичным. Кто сидел дома?

Ликуя, с песней, вышли мы
к нашей беде коварной!

Сразу фригийский народ
бросился к воротам,
сосной с горы,¹⁴⁷ древотёсной засадой¹⁴⁸ аргивских бойцов
и данайской бедой слава деву, богиню
в колеснице коней вековечных.¹⁴⁹
Дар наш пряженым льном,¹⁵⁰ как остов судна чёрного,¹⁵¹
опутав, мы поволокли
в Палладин каменный покой,¹⁵²
где будет литься наша кровь.
Закончились и труд, и пир,
окутал землю мрак ночной,
сплелась ливийская свирель
с напевом Фригии родной,
с биеньем юных женских ног,
и хор так радостно звучал,
и в окна лился чистый свет,
где меркло пламя очагов
и засыпали люди.

Молясь прекрасной деве гор,¹⁵³
я танцевала во дворе
и песней славила простой
дочь Зевса, но кровавый крик¹⁵⁴
Пергам¹⁵⁵ встряхнул и разбудил,
там дети милые, дрожа,
тянулись к пеплосам своих

Старики и девушки. Все лица мужского пола, а также взрослые женщины, принимали участие в защите города и, соответственно, уже были на городских стенах. Поэтому и покидали свои дома девушки со стариками (грамматика вполне позволяет включить в прилагательное мужского рода и старух).

¹⁴⁷ В оригинале – «*τῆβκᾶ ἐν οὐρεΐᾳ*», т.е. «в виде горной сосны». Ли (с. 167): «Это метонимия для коня, который был сделан из сосны, выросшей на горе Ида».

¹⁴⁸ В оригинале – «*ξυστὸν λῶχον Ἀργείων*», т.е. «вытесанная (из дерева) засада аргивцев». Ли (с. 167): «это пример смелой гипаллаги» (т.е. переноса элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную). Прилагательное «древотёсная» должно относиться к «сосне», но Еврипид ставит его в определяющее положение к «засаде». Здесь гиппалага эффектно сгущает образ, хотя находились комментаторы, считавшие текст испорченным.

¹⁴⁹ Афина управляет колесницей, в которую запряжены бессмертные кони. В оригинале богиня описывается словом «*ἄζυγος*», которое означает «девственная, не состоящая в супружестве», т.е. богиня, сама «незапряжённая», правит упряжью вечных существ. К сожалению, эту тонкую игру слов не удаётся передать в переводе.

¹⁵⁰ Т.е. верёвками, спряженными из льна.

¹⁵¹ «Чёрный» – и «просмоленный», и «роковой».

¹⁵² Т.е. в храм Афины Паллады.

¹⁵³ Имеется в виду богиня-охотница Артемида, союзница троянцев. Её называют «горной», потому что она охотится в горах.

¹⁵⁴ Маньеризм Еврипида. Ли (с. 172): «Крик греков называется [кровавым], потому что он скоро принесёт разрушение и кровопролитие троянцам и их городу».

¹⁵⁵ Ли (с. 172): «Пергамом <...> назывался троянский акрополь, построенный на вершине горы Ида. На акрополе размещались не только все храмы богов, но также дворцы Приама и его сыновей, Гектора и Париса».

оторопелых матерей,
 а из засады шёл Арес¹⁵⁶
 Палладу бойней веселить.
 Из спален, гулких и пустых,
 текли фригийцы к алтарям,¹⁵⁷
 где головы рубили им,
 а девушек, венец войны,¹⁵⁸
 элладским семенем гнели¹⁵⁹
 к печали Фригии родной!

Андромаху ты видишь? Гекуба, смотри!
 Проезжает она в колеснице чужой!
 К воздымающейся материнской груди
 припадает сын Гекторов, Астианакт!
 И куда же ты едешь в повозке такой,
 погружённая в скорбь,
 вместе с медью доспехов, что Гектор носил,
 и оружием фригийцев, убитых в бою?
 Сын Ахилла, во Фтию из Трои придя,
 будет храмы добычей такой украшать!

АНДРОМАХА

Ахейцы-господа меня теперь увозят!
 Гек. Ах, боже! Анд. Почему ты мой пэан стенаешь?¹⁶⁰
 Гек. Ах, горе! Анд. Как я исстрадалась!
 Гек. Зевс, где ты? Анд. Что за груз несчастий!
 Гек. Ах, дети! Анд. Все мы в прошлом!

Гек. Нет больше радости, нет больше Трои нашей
 Анд. несчастной! Гек. Где же вы, прекраснейшие дети?
 Анд. Ах, тяжело! Гек. Как дышать мне тяжело
 Анд. от горя! Гек. Как судьба сдавила
 Анд. наш город! Гек. Всё дымится!

Анд. Приди ко мне, любимый муж!
 Гек. Ты из Аида, бедная,
 сына зовёшь моего!
 Анд. Защитить супругу!

Анд. Ты, пагуба ахейских войск!
 Гек. Ты, старший из моих детей,

¹⁵⁶ Арес – это и бог войны, и отряд воинов.

¹⁵⁷ Два смысла: (1) убийство людей, припадающих к алтарям, прося защиты богов, считалось особенно нечестивым; и (2) происходит как бы ритуальное заклинание в честь бога войны, Ареса.

¹⁵⁸ Девушки называются «венцом», потому что они являются наградой воинам, победившим врага в боевом состязании.

¹⁵⁹ Т.е. насильствовали, в результате чего они будут рожать детей уже греческих, а не троянских.

¹⁶⁰ Так в оригинале: «τί παῖδ' ἐμὸν στενάζεις;». Пэан – радостная победная песнь. Андромаха употребляет это слово с горькой иронией. Другими словами: «Почему ты стонешь и поёшь тот пэан, который я одна должна петь?» Андромаха думает, что её несчастье настолько огромно, что никто не в состоянии понять его.

- Анд. сын и Приаму, и мне!
Дай мне сон Аидов!
- Анд. Эта громада скорбей... Гек. Мы раздавлены горем, бедняжка!
Анд. Город разрушен родной... Гек. На страданья ложатся страданья!
Анд. Горестной волей богов уберётся твой сын от Аида,¹⁶¹
ради злосчастной жены он разрушил троянскую крепость,
холм окровавленных тел вырастает у храма Паллады,
коршуны кормятся там, и ярмом окольцована Троя!
- Гек. Родина, бедный мой край... Анд. Я рыдаю, тебя покидая...
Гек. ... жалкий приходит конец! Анд. ...и мой дом, где я матерью стала!
Гек. Дети, покинет вас мать, потерявшая город любимый!
Только стенанья и плач <наполняют усталое сердце,>¹⁶²
слёзы струятся к слезам, <чернокрылая скорбь залетает>
в наши родные дома, где лишь мёртвые боль позабыли!
- Хор Как слёзы сладостны для тех, кто стал несчастным!
Какая музыка в рыданиях и плаче!
- Анд. Скажи, мать Гектора, который тьму аргосцев
копьем поубивал, ты видишь ли всё это?
- Гек. Я вижу блажь богов, поднявших выше неба
ничтожество и мразь, а золото поправших!
- Анд. Меня и мальчика в добычу превратили,
кровь благородная польётся в рабских венах!
- Гек. Меч неизбежности! Сейчас мою Кассандру
отняли у меня и увели насильно!
- Анд. Ах, боже мой!¹⁶³
Теперь, мне кажется, второй Аякс явился
за дочерью твоей, но есть и горше беды.
- Гек. Да, беды без числа, без всякого предела!
Зло борется со злом, стремясь к венцу победы!
- Анд. Убили дочь твою над гробом Ахиллеса,
бездушный вражий труп владеет Поликсеной!
- Гек. О, горе-то моё! Так вот о чём Талфибий
мне намекал тогда неясными словами!
- Анд. Я видела её, сошла я с колесницы,
покрыла мёртвую, и грудь себе разбила.¹⁶⁴
- Гек. Ах, доченька моя! Преступное закланье!
Ах, горе горькое! Как страшно ты погибла!
- Анд. Да, гибель гибелью, но эта участь лучше,
счастливее моей, приговорённой к жизни.

¹⁶¹ Имеется в виду Парис, один из сыновей Приама и Гекубы. После рождения ребёнка было предвещание, что он погубит царство, поэтому ребёнка отнесли на гору Иду и оставили там умирать. Однако, по одной версии, младенец был найден и выкормлен пастухами. Эта легенда существует в нескольких вариантах, не меняющих сути.

¹⁶² Эта строка и следующая плохо сохранились. В треугольных скобках – моя реконструкция утраченного текста.

¹⁶³ В оригинале – «φεῦ φεῦ», т.е. «Увы, увы!». Читатель волен принять этот вариант.

¹⁶⁴ Т.е. ударяла себя по груди в знак скорби.

Гек. Ты жизнь не сравнивай, родимая, со смертью,
последняя – ничто, а в первой есть надежды.

Анд. Родительница, мать! Прекраснейшее слово
услышь, и я твой дух отрадой напитаю!¹⁶⁵
От нерожденья смерть едва ли отличима,
и лучше умереть, чем прозябать в печали.
Кто бедствия познал, тот в смерти всё забудет,¹⁶⁶
но тот, кто был блажен и пал в пучину скорби,
блуждает памятью вокруг бывшего счастья.¹⁶⁷
А дочь твоя теперь, как будто не рождавшись,
исчезла полностью и бед своих не помнит.
Я славно метила, и поражала цели
невероятные, но в счастье не попала.
Всем, что считается трудом жены достойной,
я в доме Гектора прилежно занималась.
Во-первых, знала я, что на замужних женщин,
и добрых, и дурных, немало грязи льётся
за нежелание сидеть всё время дома,
и я сидела там, забыв о развлечениях,¹⁶⁸
и всяческих подруг, остроязыких сплетниц,
не приглашала в дом, но собственный рассудок
мне был учителем, и мне его хватало.
Язык мой отдыхал в присутствии супруга,
а взор спокоен был. Я превосходно знала,
как и одерживать, и уступать победу.
Но вести обо мне дошли до сил ахейских,
сгубив меня совсем. Когда меня схватили,
то Ахиллесов сын решил на мне жениться,
и вот, мне быть рабой в семье убийцы мужа!
Когда забуду я о Гекторе любимом
и мужу новому своё раскрою сердце,
то мёртвого предам, когда же я отвергну
супруга этого, то разозлю хозяев.¹⁶⁹
Хотя и говорят, что после первой ночи
стирается в душе всё отвращенье к мужу,
противна мне вдова, забывшая супруга
для брака нового с уже другим любимым!

¹⁶⁵ В оригинале – «σοι τέρψιν ἐμβάλῳ φρενί», т.е. «тебе наслаждение (радость) (я) вложу в душу (ум, сердце)». Более точный перевод: «и я твой дух наполнею наслажденьем», но слово «наслаждение» как-то не вписывается в контекст. Ни Анненский, ни Шервинский его не принимают. Анненский: «Красивые слова // Вдыхают в ум желанную отраду.» Шервинский: «Утешу дух твой скорбный.» Читатель, впрочем, волен принять «наслаждение», если он того хочет. Следует также сказать, что эти первые две строки речи Андромахи часто объявляют подложными. Диггл заключает их в квадратные скобки. Ли (с. 186-7) приводит весомые доводы против этого.

¹⁶⁶ Эта строка плохо сохранилась, и между комментаторами нет согласия по поводу её точного смысла. Перевод следует интерпретации Ли. См. подробное обсуждение этого места в его издании (с.187-8).

¹⁶⁷ Т.е. продолжает проживать душой утрату бывшего благополучия и не может забыть, как он был счастлив.

¹⁶⁸ Вариант перевода: «и я закрыла дверь, забыв о развлечениях».

¹⁶⁹ Здесь не только «я подвергну опасности жизнь мою и моего сына», но и «я не выполню обязанности хорошей рабыни, которая должна любить своих господ и угождать им». Даже в этой плачевной ситуации Андромаха думает о том, что она должна вести себя соответственно положению. Если судьба велит ей стать рабыней, то она должна вложить всю себя в эту новую роль, играть её честно и со всей ответственностью.

- И в сердце лошади, от пары отпряжённой,
к привычному ярму теряется охота,
а ведь животные глупы, и бессловесны,
и уступают нам по качествам природным!
Ты, милый Гектор мой, во всём был идеален,
умён и родовит, богат и так бесстрашен!
Меня нетронутой из рук отца ты принял,
то был твой первый брак, и с девственной женою,
теперь же ты погиб, а я плыву в Элладу
несчастной пленницей, носить ошейник рабский!
Не видишь разве ты, что мёртвой Поликсене
досталось меньше бед? Зачем по ней ты стонешь?
Во мне последнего, что подкрепляет смертных,
надежды даже нет, и я свой ум не тешу
мечтой о будущем, хотя мечтать приятно.¹⁷⁰
- Хор Ты страждешь, как и я! Скорбя о личном горе,
ты мне напомнила и о моих несчастьях!
- Гек. Я на корабль ещё ни разу не всходила,¹⁷¹
однако знаю я картины и рассказы.
Когда случается умеренная буря,
с ней бьются моряки, надеясь на спасенье,
кто крепко держит руль, кто свёртывает парус,
кто воду черпает. Когда же слишком сильно
пучина бесится, то, покоровшись року,
они вверяют жизнь волнам быстробегущим.
Так делаю и я во время бури бедствий,
стою безмолвная и рот мой замыкаю,
уж очень мощен вал, ниспосланный богами.
Не надо, милая, о Гекторе крушиться,
ты не вернёшь его рыданьями своими.
С хозяином своим веди себя послушно
и красоту свою используй, как приманку.
Ты этим всех друзей порадуешь немало,
и внука моего защитником великим
для Трои вырастишь, и будут в Илионе
потомки наши жить, и возродится город!
Но этот разговор другим смениться должен,
я вижу, к нам опять слуга идёт ахейский,
сейчас доложит нам, что там опять решили.
- Тал. Супруга Гектора, фригийского столпа,
не проклинай меня! Веленье Пелопидов
и всех данайских сил мне тошно объявлять.
- Анд. Что хочешь ты сказать? Зловещее вступленье...

¹⁷⁰ О следующем, опять очень трудном этапе жизни Андромахи, повествует одноимённая трагедия Еврипида. В конечном счёте Андромаха стала женой Гелены, брата Гектора, родила троих сыновей и уехала жить в Азию.

¹⁷¹ Согласно Гомеру, Гекуба была дочерью фригийского царя Диманта (Δύμανς). Фригия (Φρυγία) – внутренняя историческая область на западе Малой Азии. И фригийское, и троянское царства расположены в Малой Азии, поэтому, чтобы приехать из одного царства в другое, нет необходимости путешествовать морем.

Тал. Решили, что твой сын... Как мне найти слова?
 Анд. Вы отдали его другому господину?
 Тал. Не будет им владеть ахеец ни один.
 Анд. Он здесь останется, последним из фригийцев?
 Тал. Ума не приложу, как всё тебе сказать.
 Анд. Хвалю тебя за такт, но хватит колебаться!¹⁷²
 Тал. Сынок твой обречён. Такая вот беда.
 Анд. Ах, боги светлые! Что ныне брак мой горький!
 Тал. На это Одиссей всех элинов склонил...
 Анд. Ай-ай! Как тошно мне! Беда, беда без меры!
 Тал. ...сказав, что мстителя нам нужно не кормить...
 Анд. Пусть это говорят и о его потомстве!
 Тал. ...но, в Трою отведя, там сбросить со стены.
 Всё так и сделают. Веди себя разумней,
 за сына не держись. Будь стойкой перед злом
 и в слабости своей не притворяйся сильной.
 Нет помощи тебе. Прими свою судьбу.
 Вдова бездомная, ты вся под нашей властью,
 и с женщиной одной мы справимся, поверь,
 ты опрометчиво не начинай сражение,
 чтоб опозориться и всем противной стать.
 Я не советую и проклинать ахейцев.
 Разгневав армию, ты сыну своему
 откажешь и в земле, и в плаче погребальном.¹⁷³
 Но если промолчишь и подчинишься нам,
 то не оставишь ты ребёнка без могилы
 и уважение в ахейцах укрепишь.

Анд. Любимый мальчик мой! Бесценный, ненаглядный!
 На гибель ты уйдёшь, мать бедную покинешь!
 Ты был приговорён той доблестью отцовой,¹⁷⁴
 которая других спасала, защищала,
 тебе же пользы нет в твоём отце бесстрашном!
 Мой злополучный брак, несчастное венчанье,
 приведшее меня в дом Гектора когда-то!
 Я сына родила не для ножа данайцев,
 но чтобы Азией он правил плодородной!
 Ты плачешь, мальчик мой? Свою судьбу ты знаешь?
 Что ты хватаешься за пеплос мой, за руки,
 под мамино крыло хоронишься, как птенчик?
 Ни Гектор не придёт с копьём его преславным
 из глубины земли, неся тебе спасенье,
 ни родственник отца, ни армия фригийцев!
 Паденье тяжкое¹⁷⁵ с высот головоломных

¹⁷² Трудная строка, существующая в двух вариантах и допускающая несколько интерпретаций. В этом переводе принимается толкование Ли (с. 201) как наиболее вероятное, на мой взгляд.

¹⁷³ Для древних греков отказ в похоронных обрядах и погребении был хуже смерти. Такая душа была обречена вечно скитаться по земле, без возможности достигнуть царства теней и родиться на свет в новом теле.

¹⁷⁴ Эта строка и следующая иногда объявляются подложными.

- без всякой жалости твой дух из тела вырвет!
 Сокровище моё! Сыночек мой любимый!
 Как сладко пахнешь ты! Зачем своею грудью
 тебя кормила я? Зачем и пеленала?
 Зачем и не спала, трудилась, надрывалась?
 Целуй же мамочку в последний раз, мой мальчик,
 прижмись к моей груди, набрось на шею ручки,
 прильни к моим губам всем ротиком любимым!
 Нет, вы не эллины! Вы варвары, вы звери!
 Зачем вы губите невинного ребёнка?
 Дочь Тиндареева, в тебе нет крови Зевса,
 но свора демонов тебе дала рождение,
 несущих мщение, и зависть, и убийство,
 и смерть, и всё то зло, что в мире происходит!
 Родитель твой не Зевс! Я это утверждаю!
 Ты слишком пагубна и варварам, и грекам!
 Умри же, наконец! Ты вывела фригийцев
 глазами дивными на поле смерти славной!
 Хватайте мальчика! Бросайте, если надо!
 Сожрите плоть его! Нам боги посылают
 мучительный конец, и не спасти мне сына!
 Рыдающую мать на пристань уведите,
 швырните на корабль! Она плывёт венчаться,
 готовясь к торжеству и потеряв ребёнка!
- Хор
 Ах, Троя бедная! Из-за тлетворной связи
 с нечистой женщиной как много тут погибло!
- Тал.
 Ну, дитя, покидай обруч любящих рук
 и несчастную мать! Поднимайся наверх,
 к венценосным камням родового гнезда,
 чтобы дух испустить по велению судьбы!
 Отведите его! Нужно вестником быть
 лишь тому человеку, в ком жалости нет
 и кто дружит с бесстыдством, моей же душе
 отвратительны мерзкие эти дела!
- Гек.
 Внук мой бедный! Злосчастливого сына дитя!
 Как злодейски мы будем тебя лишены,
 мать и я! Что со мной? Что мне делать, скажи,
 мой страдалец? Я жертву тебе приношу,
 ударяя себя по лицу, по груди!
 Это всё, что могу я! Мой город родной!
 Как мне жалко тебя! Как не мучились мы?
 Что нам нужно ещё, чтобы полностью пасть,
 прекратиться, стереться, рассыпаться в прах?

---

¹⁷⁵ В оригинале – «*λυυρόν δὲ πῆδημα*», т.е. «злосчастный/губительный прыжок». Слово «прыжок», впрочем, плохо сюда подходит. Во-первых, его тональность не соответствует речи матери, а, во-вторых, Астианакт не будет прыгать сам, но его столкнут со стены. Ни Анненский, ни Шервинский не принимают слово «прыжок». Ли (с. 205) полагает, что здесь слово «*πῆδημα*» означает «падение», и я с ним согласен. Впрочем, для тех, кто настаивает на буквальном переводе, вот буквальный вариант: «Губительный прыжок с высот головоломных»

Хор   Кормящего пчёл Саламина¹⁷⁶ доблестный царь Теламон,¹⁷⁷
ты с острова, хлябью морской омытого
рядом с холмами святыми,¹⁷⁸ где показала оливу
в давнее время Афина серой ветвью,¹⁷⁹
чистым небесным венцом,¹⁸⁰ украшеньем Афин благодатных,
пришёл, пришёл, чтоб общую славу снискать
с чадом Алкмены, лучником,¹⁸¹
и разорить Илион, спалить наш родной Илион,
из Элладской земли явившись!¹⁸²

Когда цвет Эллады привёл он, гневаясь из-за коней,¹⁸³
то на Симоэнте¹⁸⁴ широкок высушил
он мореходные вёсла, с палубы бросил канаты,
поднял свой лук безупречный с досок влажных –
Лаомедонтову смерть, и умелое зодчество Феба¹⁸⁵
огнём, огнём,¹⁸⁶ багряным дыханием сжёт,
Трою разграбил полностью!
Так что два раза уже под острым, кровавым копьём
в прах дарданские¹⁸⁷ стены пали!

Напрасно ты чаши золотые изящно разносишь,
Лаомедонтова кровь,¹⁸⁸
Зевсовы кубки вином наполняя с прекрасным усердьем!

¹⁷⁶ Саламин (Σαλαμίς) – крупный остров недалеко от Афин. По преданию, там родился Еврипид.

¹⁷⁷ Теламон (Τελαμών) – герой древнегреческой мифологии, один из аргонавтов, царь Саламина. Вместе с Гераклом ходил на Трою, когда город был взят и разрушен в первый раз, ещё до Троянской войны.

¹⁷⁸ Т.е. рядом с афинским акрополем.

¹⁷⁹ Согласно легенде, когда боги решали, кому владеть Аттикой, Афина ударила копьём в землю, и оттуда вырос побег оливы. Дар Афины был признан самым полезным для людей.

¹⁸⁰ Эта фраза толкуется по-разному (см. Ли, с. 212). Возможно, эпитет «небесный» указывает на божественное происхождение оливы. Можно также сказать, что Афины, лучший из городов, подобно победителю в состязании, награждены оливковым венцом, даром неба.

¹⁸¹ Т.е. с Гераклом, сыном Алкмены (Αλκμήνη), жены фиванского героя Амфитриона (Αμφιτρίων). Геракл, впрочем, родился от Зевса, принявшего вид Амфитриона и возлégшего с Алкменой.

¹⁸² Подлинность этой строки находится под вопросом.

¹⁸³ Лаомедонт (Λαομέδων) – царь Трои, отец прекрасного юноши Ганимеда, за которого получил от Зевса великолепных коней. По воле Зевса у него в рабстве оказались Посейдон и Аполлон, наказанные за поддержку бунта Геры. Посейдон построил стену вокруг Трои, а Аполлон пас царских овец (либо Посейдон и Аполлон вместе выстроили стены Трои). Лаомедонт обещал принести им в жертву весь скот, уродившийся за год, но не сдержал обещания. В отместку Посейдон наслал на город чудовище, пожиравшее людей. Для избавления города от напасти в жертву чудовищу должны были принести дочь Лаомедонта, Гесиону. Но её спас Геракл, убив чудовище. Лаомедонт пообещал отблагодарить Геракла, отдав ему Зевсовых коней, но не сделал этого. Разгневанный Геракл захватил Трою, убил и Лаомедонта, и всех его сыновей из лука, но пощадил Приама, который впоследствии стал троянским царём и мужем Гекубы.

¹⁸⁴ Симоэнт (Σιμόεις) или Симунт (Σιμόυς) – приток реки Скамандр, протекающей в окрестностях Трои.

¹⁸⁵ Т.е. стены, умело возведённые Аполлоном (Фебом).

¹⁸⁶ Одно слово «огнём» в рукописи отсутствует и добавляется комментаторами для размера.

¹⁸⁷ «Дарданский» в античной литературе часто означает то же, что и «троянский». Дарданы (Δάρδανοί) – племя, обитавшее в Малой Азии.

¹⁸⁸ Т.е. Ганимед (Γανυμήδης) – прекрасный юноша, сын троянского царя Троса. Из-за своей необыкновенной красоты был похищен Зевсом – перенесён орлом Зевса на Олимп, где стал возлюбленным Зевса и виночерпием на пирах богов. Ли (с. 216): «Служба Ганимеда у Зевса была бесполезна для Трои. Зевс не выказал благодарности, на которую Троя, родина Ганимеда, имела полное право, и ничего не сделал для того, чтобы предотвратить разрушение города.»

Милый твой город сжигается пламенем,
там же, над бухтой морской,
не скорбный крик слышится
птицы без птенцов, но плач
по мужьям, по милым детям
и по матерям-старухам.
Нет купален, водою полных,
нет и ристалищ твоих.
Пока, блаженство получив,
у трона Зевса ты сидишь
с ясным, спокойным лицом,
на элладском копье Приамов город гибнет!¹⁸⁹

Эрот, Эрот! Во дворец дарданский пришёл ты когда-то,
следуя воле небес!¹⁹⁰
Как же тогда и вознёс, и прославил ты гордую Троию,
браком с богами связал! Как не хочется
Зевса теперь мне стыдить!
Но свет убивающий¹⁹¹
крыл Гемеры,¹⁹² белый свет,
милый людям, видел землю,
видел и Пергам сожжённый,
а ведь муж, с ней детей зачавший,
в спальню от нас улетел
на златозвёздной четверне,
и колесница та дала
родине столько надежд,¹⁹³
но приелось богам очарованье Трои!

МЕНЕЛАЙ

О, солнца ясного великолепный свет,
который озарит жену в моих объятьях,
Елену! Сколько бед познал из-за неё!¹⁹⁴

¹⁸⁹ Более поэтический, но несколько менее точный вариант: «здесь элладская медь Приамов град сгубила!».

¹⁹⁰ Эта строфа повествует о браке Эос (Ἠώς), богини зари, с Тифоном (или Титоном) (Τυφών), сыном Лаомедонта. унесённым на звёздной колеснице из Трои. По просьбе Эос Зевс даровал Тифону долгую жизнь, но Эос забыла упомянуть о вечной молодости, и Тифон стал бессмертным стариком, а по другой версии легенды превратился в цикаду, сморщившись от старости. Однако Хор говорит лишь о том счастливом времени, когда Эос и Тифон жили в браке. У них родилось двое сыновей, Эмафион и красавец Мемнон, впоследствии убитый Ахиллом при осаде Трои.

¹⁹¹ Ли (с. 218-9): «Свет назван ‘убивающим’ [destructive, ὀλοός] в силу гипаллаги [т.е. переноса эпитета]. Свет не вызвал разрушение города, однако был тесно связан с ним, потому впервые сделал [это разрушение] наглядным для людей. <...> Евр[ипид] доводит парадокс до предела. Самый день падения Трои приносил свет людям и, следовательно, был ‘милым’ [beloved, φίλος].»

¹⁹² Гемэра (Ἠμέρα) – богиня дневного света. Здесь под этим именем разумеется Эос.

¹⁹³ Поскольку троянский царевич стал мужем богини, Троя могла рассчитывать на её милость, но этого не произошло. Ли (с. 219): «Теперь, когда Ганимед и Тифон находятся в безопасности, вместе с Зевсом и Эос, Трое больше нечем заслужить милость богов.»

¹⁹⁴ Эта строка и следующая считаются более поздней вставкой – не только из-за ущербной грамматики, но и потому, что здесь Менелай называет Елену по имени, хотя чуть ниже отказывается произносить её имя в знак презрения и чтобы показать всем, что между ними всё кончено. Если при постановке желательно сохранить этот психологический эффект, то указанные две строки можно удалить.

несчастный Менелай! Как билась рать ахеян!
 Не из-за женщины на Троию я пошёл,
 как люди думают, а чтоб злодея-гостя,
 растлителя жены, поймать и наказать!¹⁹⁵
 Но волею богов и сам понёс он кару,
 и пал народ его под эллинским копьём!
 Теперь лаконянку¹⁹⁶ (мне как-то неприятно
 такую женщину супругой называть)
 отправлю я домой. В шатре она томится,
 к троянским пленницам причислена, как все.
 От храбрых воинов, копьём её добывших,
 я право получил и заколоть её,
 и в Аргос отвезти. Решение за мною.
 Мы в Трое всё ещё. Здесь как-то недосуг
 Елене этой мстить. На корабле в Элладу
 я увезу её, а там уже убью
 за всех моих друзей, под Илионом павших!
 Эй, слуги! Все в шатёр! Найти её, схватить
 и выволочь сюда, кровавейшую стерву!
 За волосы тащить! Лишь только загудит
 попутный ветерок, помчимся мы в Элладу!

Гек. Опора всей земли, живущий над землёй
 непостижимый Зевс! Пускай ты плод природной
 необходимости, пускай ты просто мысль,
 но я молюсь тебе! Идя тропой беззвучной,
 ты к людям на земле и добр, и справедлив!

Мен. Что это за слова и странные молитвы?

Гек. Как прав ты, Менелай! Убей свою жену!
 Но прячься от неё! Ты снова распалишься!
 Она томит мужчин, пленяет города,
 сжигает каждый дом своим очарованьем,
 как знаем я и ты, и все, кто пострадал!

ЕЛЕНА

Послушай, Менелай! Вступление такое
 мне душу холодит! Меня в шатре широком
 твои прислужники схватили, потащили!
 Понятно всем уже, что я тебе противна,
 но я хочу спросить, какое правосудье
 решили эллины над женщиной устроить?

Мен. Чего же там решать? Мне ратники сказали,
 чтоб я тебя убил. Ты ненавистна войску.

Ел. А можно доказать немногими словами,
 что будет казнь моя поступком нечестивым?

Мен. Я убивать пришёл, а не стоять и спорить!

¹⁹⁵ Парис явился к Менелая в качестве гостя, и ему был оказан радушный приём. Самого Менелая дома не было, он ездил на Крит. Парис убедил Елену бросить дом супруга и отплыл с ней ночью в Азию, взяв много сокровищ из дворца Менелая. Этот поступок Париса послужил поводом к Троянской войне.

¹⁹⁶ Лаконянка = спартанка. Лакония (Λακωνία) – область в южной части Пелопоннеса. Спарта часто называется Лаконией.

- Гек. Позволь ей, Менелай!¹⁹⁷ Не отпускай злодейку голодной до речей! Я тоже бы хотела с ней перемолвиться. Всех дел её троянских ещё не знаешь ты. Когда всё вместе сложишь, то и убьёшь её. Спасения не будет!
- Мен. Подарку моему потребуется время, но я его дарю, чтоб ты поговорила, а с этой женщиной не стал бы я считаться.¹⁹⁸
- Ел. Что б ни сказала я, нелепость или дело, ты, верно, всё презришь, меня врагом считая, но доводы свои я выскажу открыто в ответ на те слова, которыми ты хочешь меня испепелить, бросая мне упрёки.¹⁹⁹ Вот эта женщина устроила всё горе, Париса породив!²⁰⁰ Старик²⁰¹ же уничтожил и Трою, и меня, не погасив младенца, тот факел горестный, что назван Александром!²⁰² И дальше я скажу, а ты меня послушай. Когда он трёх богинь рассуживать пытался, то дар Паллады был, что поведёт фригийцев на битву Александр и покорит Элладу, а Гера славная всю Азию с Европой, вплоть до морских границ, Парису обещала. Киприда же, хваля мой образ распрекрасный, меня давала в дар, желая двух соперниц осилить красотой. Так что же получилось? Киприда верх взяла, и брак мой всей Элладе благоприятствовал! Под варварское иго вы не подведены ни копьями, ни палкой!²⁰³ Элладе хорошо, меня же погубила торговля красотой. Вам нужно не позорить, но голову мою венком украсить пышным! Готов ты возразить, что я молчу о главном,

¹⁹⁷ На первый взгляд слова Гекубы кажутся странными. Зачем задерживать расправу над ненавистной Еленой, давая ей возможность если не оправдаться, то хотя бы вызвать страсть и жалость в бывшем супруге? На самом деле, слова Гекубы – это отчаянная попытка добиться справедливости. Она уже знает, что Менелай решил не убивать Елену сразу, и, как опытная женщина, видит, что он слабодушен, всё ещё привязан к бывшей жене и, на самом деле, не хочет её смерти, поэтому последняя надежда Гекубы – дать Елене возможность сказать что-нибудь не то, невольно обвинить саму себя. См. также обсуждение этого места у Ли (с. 226-7).

¹⁹⁸ Ли (с. 228): «Замечено, что нормальный порядок говорящих в этом [диспуте] перевернут. Обычно ответчик выступает вторым <...>. В данном же случае Еврипид организовал порядок речей по другому принципу, т.е. чтобы более сильная аргументация и оратор, вызывающий симпатию, шли вторыми».

¹⁹⁹ Эта строка плохо сохранилась, и её толкования неоднозначны. Может быть, эта строка является поздней вставкой.

²⁰⁰ Возможно, поворачиваясь к Менелая и указывая рукой на Гекубу.

²⁰¹ Приам.

²⁰² Другое имя Париса – Александр. Елена вспоминает рассказ о том, что Гекуба, когда была беременна Парисом, увидела во сне, будто она рождает пылающий факел. Этот сон сочли плохим предзнаменованием, и, когда ребёнок родился, его отнесли умирать на гору Иду.

²⁰³ Т.е. вас ни покорили в результате сражения (как обещала Паллада), ни присоединили к одной мощной империи (как обещала Гера).

о том, как я тайком из дома убежала.
 Не с мелким божеством за мной тогда явился
 коварный демон мой, ты называй как хочешь
 мерзавца этого, Парисом, Александром.
 Ты сам впустил его и, как дурак последний,
 на Крит отправился, покинув нашу Спарту!
 Что толку объяснять...
 Я не тебя спрошу, но собственное сердце:
 зачем же я ушла с каким-то чужеземцем,
 зачем пренебрегла и родиной, и домом?
 Богиню покарай и будь сильнее Зевса,
 который, властвуя над всеми божествами,
 сам стал её рабом, а мне даруй прощенье!
 В запасе у тебя один изящный довод –
 как только Александр положен был в могилу²⁰⁴
 и кончился мой брак, назначенный богами,
 зачем я не ушла к твоим судам аргосским?
 Я и хотела так! Свидетелей спросите,
 и стражей у ворот, и часовых на стенах,
 всегда мешавших мне, когда я с бастионов,
 стараясь не шуметь, спускалась по верёвкам!
 Потом другой супруг мне грубо навязался,
 презренный Деифоб, наперекор фригийцам!²⁰⁵
 Так неужели, муж, я заслужила гибель
 <и лезвие меча за все мои страдания?>²⁰⁶
 Где правота твоя? Присвоена супругом,
 была я в городе не даром за победу,
 но жалкою рабой!²⁰⁷ Ты хочешь над богами
 душою вознестись? Какой же ты невежа!
 Хор Царица, защити своих детей и город!
 Все доводы разрушь, которыми злодейка
 украсилась теперь! Всё это так ужасно!
 Гек. Союзницей богинь я стану поначалу
 и покажу всю ложь нахальной этой твари.
 Ни Гера славная, ни чистая Паллада
 не могут никогда пойти на эту глупость,
 чтоб Гера продала свой Аргос чужеземцам,
 а Дева принесла фригийский кнут в Афины,
 и чтоб, как девочки, бахвалясь красотой,
 на Иду забрались великие богини!
 Зачем владычице себя с другими мерить?

²⁰⁴ Парис погиб от ядовитой стрелы, пущенной Филоктетом (Φιλοκτῆτης), одним из героев Троянской войны.

²⁰⁵ Деифоб (Δειφωβος) – один из сыновей Приама и Гекубы, воин, погиб при взятии Трои, по одной из версий, от рук Менелая. Ли (с. 233): «Троянцы не хотели разрешить Деифобу жениться на Елене, потому что они собирались вернуть её грекам и таким образом закончить войну.» Эта строка и предыдущая иногда объявляются подложными.

²⁰⁶ Предполагается, что здесь утрачена одна строка. Она приводится в моей реконструкции.

²⁰⁷ Это предложение сложно для толкования, и его точный смысл неясен. См. обсуждение этого места у Ли (с. 234). «Даром за победу» – вероятно, Елена имеет в виду то, что она была наградой Парису за победу Афродиты в споре богинь. Возможно также, по мнению Ли, что Елена считает себя наградой Троянской войны вообще.

Чтоб мужа получить могущественней Зевса?
 И разве совратить захочется Афине
 кого-то из богов? Она сама просила
 дар девства у отца! Ты очернением неба
 себя не высветляй! Разумных не обманешь!
 Киприда, говоришь (как тут не засмеяться),
 ребёнка²⁰⁸ моего водила к Менелаю!
 Зачем так мучиться? Она могла бы с неба
 доставить в Илион тебя и все Амиклы!²⁰⁹
 Мой сын красавцем был. Как только вы столкнулись,
 твой ум и сделался божественной Кипридой!
 Все люди свой разврат на Афродиту велят
 и путают её с безумной Афросиной!²¹⁰
 Увидев юношу в заморских одеяньях,
 блиставших золотом, совсем ты ошалела.²¹¹
 Ты в Аргосе жила без роскоши особой,
 вот и надеялась удрать из вашей Спарты
 и в золотой реке, по Фригии текущей,
 наполоскаешься всласть! Да разве утолил бы
 твой голод Менелай с его простым хозяйством?
 Чего там говорить! Ты сына обвиняешь,
 мол, он тебя украл. А кто вас видел в Спарте?
 А ты кричала ли? Был жив ещё и Кастор,
 и брат его, близнец! Все рядом, не на звёздах!²¹²
 В троянской крепости, когда уже аргивцы
 шли по пятам твоим и затрещали копыя,
 при первых новостях о славе Менелая
 хвалила ты его и огорчала сына,
 имевшего в любви соперника такого,
 а Троя верх брала – твой грек в ничто сжимался!
 За счастьем ты гналась и следовала зову
 благополучия. Плевать на добродетель!
 И заявляешь ты, что с башен по верёвкам

²⁰⁸ В оригинале – «ἐλθεῖν ἐμῶ ξὺν παίδι». Хотя эту фразу вполне можно перевести, как «пришла с моим сыном», мне кажется, что слово «ребёнок» («παῖς») Гекуба употребляет намеренно, чтобы как можно больше сгладить тот факт, что Парис был молодым и страстным мужчиной.

²⁰⁹ Амиклы (Ἀμύκλαι) – древний ахейский город в Лаконии, дом Тиндарея, отца Елены, и Диоскуров, её братьев. Еврипид использует название этого города идиоматически, в значении «что угодно». Поскольку при современной постановке зрителям эта строка может быть непонятна, можно заменить её на эту: «доставить в Илион тебя и хоть всю Спарту!».

²¹⁰ В оригинале – «τὰ μῶρα γὰρ πάντ' ἐστὶν Ἀφροδίτῃ βροτοῖς, // καὶ τοῦνομ' ὀρθῶς ἀφροσύνης ἄρχει θεᾶς», что дословно значит: «ведь все глупости для смертных – это (дела) Афродиты, // и имя богини правильно начинается (так же, как имя) Афросины (т.е. безрассудства, глупости)». Ли (с. 238) считает это место «одним из умнейших примеров еврипидовской этимологии». Чтобы сохранить игру слов и сделать её понятной русскому читателю, одну строку пришлось немного переиначить. Вопрос о том, является ли Афросина в данном случае персонификацией, остаётся открытым. Я думаю, что является. Вот более точный, но менее ясный вариант перевода: «Все люди свой разврат на Афродиту велят, // началом имени почти что Афросину!»

²¹¹ В оригинале «очень крепкое выражение» (Ли, с. 238) – «ἐξεμαργύθης φρένας». Вот два более «смирных» варианта: «ты тронулась рассудком» и «ты разум потеряла».

²¹² Близнецы Кастор (Κάστωρ) и Полидевк (Πολυδεύκης), братья Елены. После своей гибели были взяты на небо и стали богами.

- спускалась, бедная, что ты в неволе чахла!
 Где видели тебя, как ты в удавку лезла,
 как ты точила меч? По милому тоскуя,
 так поступила бы достойная супруга!
 Как часто я тебя просила, умоляла:
 «Иди же, доченька! Есть и другие жёны
 для сыновей моих! Тебе к судам ахейским
 сбежать я помогу! Закончи эту бойню
 с войсками эллинов!» Но был совет мой горьким.
 Как ты куражилась в хоромах Александра,
 как ты от варваров ждала подобострастья!
 Ты славно пожила! Теперь же, разрядившись,
 являешься сюда, смотря на то же небо,
 что и твой бывший муж, негодная ты стерва!²¹³
 Тебе бы к нам прийти в каких-нибудь лохмотьях,
 от страха трепеща, с обритой головою,
 и не бахвалясь так, но со стыда сгорая
 за кучу подлостей, тобою совершённых!
 Послушай, Менелай, как я закончу слово:
 ты верен будь себе и увенчай Элладу,
 прирезав эту тварь! Пускай все жёны знают,
 что смертью кончится предательство супруга!
- Хор Воздай же, Менелай, за дом твой и за предков,
 и отомсти жене! Пускай не обвиняют
 Элладу в слабости! Возвысься над врагами!
- Мен. Твои суждения слились в одно с моими.
 По воле собственной она ушла из дома
 с любовником своим, а речи о Киприде –
 пустая болтовня. Тебя побьют камнями,²¹⁴
 отплата малая за весь твой вред ахейцам.
 Узнаешь, наконец, как честь мою порочить!
- Ел. Я у колен твоих! Не шли меня на гибель
 из-за больных богинь! Прости меня! Помилуй!
- Гек. Не предавай друзей, из-за неё погибших!
 Я и за них молю, и за детей родимых!
- Мен. Довольно, старая! Она меня не тронет!
 Я слугам прикажу, чтоб отвели злодейку
 на быстрый мой корабль. Придётся ей поплавать!
- Гек. Ты с нею не ходи на том же самом судне!
- Мен. А почему же нет? В ней стало больше веса?²¹⁵
- Гек. Кто некогда любил, тот любит неизменно.²¹⁶

²¹³ Ещё одно весьма крепкое разговорное выражение – «ὄ κατὰ λῆστον κάρα». Разговорные слова и обороты – не редкость в трагедиях Еврипида. Этим он отличается от Эсхила и Софокла. Я считаю, что в переводе эту разговорную и даже сниженную лексику не следует сглаживать, потому что иначе уничтожится яркая особенность авторского стиля.

²¹⁴ Естественно, обращаясь уже к Елене.

²¹⁵ Ли (с. 244): «Это один из редких примеров шутки в устах трагического героя.»

²¹⁶ Хороший афоризм, который нужно было слегка перефразировать, чтобы сохранить афористичность. В оригинале отрицательная конструкция – «οὐκ ἔστ' ἑραστῆς ὅστις οὐκ ἀεὶ φιλεῖ», т.е. «нет (такого) любящего, который не любит всегда». Анненский: «Не груз велик. Неизлечим любовник.» У Шервинского ближе к оригиналу, однако меняется оригинальный смысл: «Не любит тот, кто любит не навек.»

Мен. Зависит от того, что в сердце у любимых.
 Но будь по-твоему. Я не взойду на судно,
 где будет плыть она. Твои слова толковы.
 В наш Аргос возвратясь, она умрёт с позором,
 как все преступники, урок благоразумья
 всем жёнам преподав! Таких учить непросто,
 но смерть развратницы и худшим негодьякам
 покажет что почём и голову прочистит!

Хор Значит, Зевс, ты вручил и храм
 в Илионе, и свой алтарь
 благовонный ахейцам,
 и огонь приносимых жертв,
 и дым смирны, летящий ввысь,
 и Пергам твой священный,
 и шитые плющом идейские долины,²¹⁷
 и в них журчащий талый снег,
 и первый, дальний блеск зари,
 светом затопленный дом величайших богов?

Нет ни жертв, ни звучанья лир,
 ни танцоров, пьянящих дух
 на полночных гуляньях,
 нет ни идолов золотых,
 ни двенадцати круглых лун²¹⁸
 во фригийских молельнях!
 Вот это, это мне, владыка, сердце гложет –
 на троне сидя в небесах,
 ты помнишь ли про город наш,
 ставший под натиском пламени грудой золы?

Муж мой любимый, родной,
 ты бродишь, неомытый,
 неупокоенный, а я на судне, вёртком
 и вёслами оперённом,
 отправлюсь в Аргос коневодный,
 к стенам Киклоповым, царапающим небо!²¹⁹
 А дети грудой у ворот
 льнут к матерям своим, и плачут, и взывают:
 «Мамочка! Милая! Вот увезут меня
 с глаз твоих ахеяне

²¹⁷ В оригинале – повторение прилагательного «идейские» («Ἰδαία τ' Ἰδαία»). Можно сохранить это повторение («и шитые плющом долины Иды, Иды»), однако этот вариант представляется менее поэтичным, чем тот, что принят в переводе.

²¹⁸ В оригинале – «Φρυγῶν τε ζῆθεοι Φρυγῶν τε ζῆθεοι σελαῖαι // συνδῶδεκα πλήθει», т.е. «и священные луны фригийцев, числом двенадцать». Точный смысл этих строк неясен. Еврипид может иметь в виду «двенадцать полнолуний», т.е. двенадцать праздников в честь богов, проводимых каждый месяц. Другое значение слова «σελαῖαι» – «луночки», т.е. круглые лепёшки в форме полной луны, приносимые в жертву богам. Ли (с. 249) поддерживает данное толкование, и наш перевод следует ему.

²¹⁹ По преданию, микенские стены были построены Киклопами. Часть этих стен сохранилась до сих пор, и поражает воображение.

на корабле тёмно-синем,²²⁰
вёслами море кромсая,
либо в святой Саламин,²²¹
либо к истмийским вратам,
дéliaщим влагу морей,
где высится Пелóпов дом!»²²²

Пусть в Менелаев корабль
обеими руками
метнут святой огонь,²²³ пусть на волнах эгейских
дымятся обломки вёсел,
пока меня из Илиона
увозят эллины рабыней многослёзной,
а в золотые зеркала,
уладу девушек, дочь Зевсова²²⁴ глядится!
Да не увидит наш враг ни Лаконии,
ни любимой родины,
ни знаменитой Питаны,²²⁵
ни медновратной богини,²²⁶
мерзостным браком черня
славу Эллады своей,
скорбные крики плодя
у Симоэнтовых быстрин!

Ах, боже мой!²²⁷
Горе новое к прежнему горю
примешалось! Троянки, взгляните
на убитого Астианакта!
Он был брошен, как диск безотрадный,²²⁸
с верха башен руками данайцев!

²²⁰ Эта строка и следующая, а также соответствующие им строки в антистрофе слегка отступают от оригинального размера. Чтобы точнее передать текст, пришлось добавить к этим четырём строкам один слог, т.е. сделать их окончания женскими.

²²¹ Саламин (Σαλαμίς) – крупнейший из островов залива Сароникос, недалеко от Афин. Еврипид родился на Саламине, в день знаменитой победы греков над персами в морском сражении, 23 сентября 480 до н. э. На острове было много храмов.

²²² Истмийский перешеек, соединяющий полуостров Пелопоннес и материковую часть Греции. Расположен близ города Коринф. Перешеек будто бы разделяет море надвое. Пелóп или Пелóпс (Πέλοψ) – национальный герой Пелопоннеса (по его имени и назван этот полуостров), вырос на Олимпе, был возлюбленным Посейдона. Пелопов дом «высится» на так называемом Акрокоринфе, возвышении, с которого видны обе гавани.

²²³ Еврипид не говорит, кто именно метнёт молнию. Мы помним, что Зевс даст Афине свои молнии на время. Шервинский, видимо, забывает об этом, переводя: «Свой перун из рук обеих // Брось, о Зевс!» Может быть, поэтому Афине, как женщине, нужно метать молнию обеими руками, чтобы достичь Зевсовой силы.

²²⁴ Елена.

²²⁵ Питана (Πιτάνη) – один из пяти округов Спарты.

²²⁶ Т.е. храма Афины в Спарте.

²²⁷ В оригинале традиционное восклицание – «ὦ ἰὼ». Его можно передать теми же звуками – «Иó! Ио!» или же словами «Увы! Увы!».

²²⁸ Астианакт сравнивается с диском («δίσκημα»), метательным снарядом на спортивных состязаниях. Однако этот диск никому не приносит отрадной победы.

- Тал. Гекуба, наш корабль один стоит на вёслах,
готовый с остальной добычей Ахиллида²²⁹
к побережью фтийскому свой лёгкий бег направить,
а сам Неоптолем уже умчался в море,
услышав о беде, случившейся с Пелеем²³⁰ –
сын Пелия,²³¹ Акаст, изгнал его из царства.²³²
Герой, преодолев желанье задержаться,
уехал сразу же, забрав и Андромаху,
которая меня заставила поплакать,
стеная горестно, руками обнимая
могилу Гектора, и с родиной прощаясь,
и сына Гектора, разбившегося насмерть,
кидаясь погребать с произволения мужа,
и медноспинный щит, ахейцев так пугавший,
который на плече носил отец ребёнка,
моля не увозить в Пелеевы покои,
в ту спальню брачную, где будет Андромаху,
мать сына мёртвого, тот щит печалью ранить,
но пусть кедровый гроб и надмогильный камень
заменит мальчику вот этот щит отцовский.²³³
Ты мёртвого сама нарядишь в чистый пеплос,
украшишь и венком, насколько хватит силы,²³⁴
ведь мать уехала, и спешка господина
ей не позволила похоронить ребёнка.
Ты тело обряжай, а мы его зароем
и в знак почтения копьём украсим насыпь.
Давай же, поскорей закончи все обряды,
от одного из них я смог тебя избавить,
уже сходил я вниз, к бурлящему Скамандру,
и вымыл мёртвого, и выполоскал раны.
Теперь же я пойду и вырою могилу,
так сможем ты и я, объединив усилья,
к родимым берегам скорей направить вёсла!²³⁵
- Гек. Поставь щит Гектора, прекрасно закруглённый,
на землю. Горький вид, и не отрадный взору.
От ратной доблести затмился ваш рассудок.
Вы что, ахеяне, ребёнка испугались?

²²⁹ Неоптолема, сына Ахилла.

²³⁰ Пелей (Πηλεύς) – отец Ахилла. Изгнанный за убийство с острова Эгина, оказался во Фтии, где был радушно принят её царём Эвритионом (Εὐρυτίων), бывшим аргонавтом, который очистил его от скверны убийства. Пелей женился на его дочери Антигоне (Ἀντιγόνη) и получил третью часть царства. Вместе с Эвритионом Пелей участвовал в охоте на калидонского вепря, во время которой случайно убил Эвритиона. Бежал в греческий город Иолк (Ἰωλκός) и был очищен от скверны убийства царём Иолка, Акастом (Ἀκάστος).

²³¹ Пелий (Πηλίας) – сын Посейдона, царь Иолка.

²³² Ли (с. 255) полагает, что рассказ о том, будто бы Акаст изгнал Пелея из Иолка – выдумка Еврипида.

²³³ Ли (с. 257): «На похоронах мальчика не будет обычных украшений, положенных царевичу. Вместо них у него будет отцовский щит, который хоть как-то защитит его теперь, после смерти, хотя он и не смог помочь ему, когда ребёнок был живым.»

²³⁴ Силы, разумеется, не только физической, но и душевной.

²³⁵ Талфибий забывает, что эти берега «родимые» только для него и для греков.

Зачем губить его? Боялись вы, что Троию
 он сможет возродить?²³⁶ Вы армия ничтожеств!
 Когда в сражениях мой Гектор был успешен
 и вёл громаду войск, вы храбро нас кромсали,
 теперь же город взят, фригийцы перебиты,
 а вы пугаетесь невинного ребёнка?
 Я презираю тех, кто трусит без причины!
 Мой мальчик дорогой, как эта смерть ужасна!
 Когда бы ты погиб за свой родимый город,
 и молод, и женат, и властью равен богу,
 то был бы ты блажен возможным здесь блаженством,
 но счастье ты познал одной душой, ребёнок,
 не воплотив его в твоём законном доме.
 Как голову твою несчастную остригли
 круги отцовских стен и Локсиевы башни!²³⁷
 Как этот сад волос растила, целовала
 мать нежная твоя! Теперь под ними рана
 смеётся алым ртом! Какой же образ гадкий...
 Ах, руки милые, подобье рук отцовых,
 как вяло вы теперь передо мной лежите!
 Ах, рот возлюбленный, бурливший похвальбами!
 Ты лгал мне, мальчик мой, в постель мою забравшись.²³⁸
 «Послушай, бабушка,²³⁹ я локоны обрежу,
 как только вырасту, и на твою могилу
 тебе их принесу, ведя друзей отважных!»²⁴⁰
 Нет, маленький, не ты, но я тебя зарюю,
 старуха сирая, без родины, без дома!
 Объятыя нежные, бессонница, кормленье –
 всё было попусту! И что поэт напишет
 однажды на твоей запущенной могиле?
 «Ребёнка этого прикончили ахейцы
 из страха перед ним»? Какой позор Элладе!
 Наследства ты лишён, но в ивовой гробнице
 отцовского щита ты заблесташь медью!²⁴¹
 Ты руку Гектора, его прекрасный локоть
 хранил надёжно, щит! Где твой хозяин смелый?
 На ручке у тебя отрадный след от пальцев,
 твой дивный ободок от капель пота выцвел,
 струившихся со лба, когда тебя мой Гектор
 касался бородой в сраженьях непрерывных!²⁴²
 Несите же наряд, пожертвуйте страдальцу
 всем, что найдётся здесь! Нам боги не позволяют

²³⁶ Ли (с. 259): «Но Гекуба, конечно, надеялась именно на это.»

²³⁷ Ребёнок разбил и ободрал голову, падая со стен. Ли (с. 261): «Стены родного города, которые должны были защитить ребёнка, привели его к смерти.»

²³⁸ В рукописях разночтения. Другой вариант этой строки: «Ты лгал мне, мальчик мой, закутавшись в мой пеплос». См. обсуждение этого места у Ли (с. 263).

²³⁹ В оригинале стоит слово «мать» («μητήρ»), ласковое обращение к бабушке.

²⁴⁰ Локон, срезанный с головы – традиционное приношение умершим.

²⁴¹ Щиты делались из ивовых прутьев, обитых медью. Они были лёгкими и прочными.

²⁴² Ли (с. 265): «Щит часто тёрся о бороду воина, потому что было принято держать щит чуть ниже глаз».

- особой роскоши. Возьмёшь ты, что имею.
 Безумен человек, ликующий при мысли
 о благе на всю жизнь. Удача так похожа
 на бесноватую, которая несётся,
 не ведая куда! Счастливицев нет на свете!²⁴³
- Хор Смотри, уже несут фригийские наряды,
 вам возвращённые! Одень же труп ребёнка!
- Гек. Не за победу, внук, ни в быстрой колеснице,
 ни меткою стрелой на состязаньях, милых
 фригийским юношам, но без излишней страсти,²⁴⁴
 ты матерью отца теперь украшен будешь!
 Ведь это твой наряд, Еленой богомерзкой
 у нас отобранный! Она тебя и жизни
 лишила, гадкая, и весь твой род сгубила!
- Хор Э! Э! Сердце ты
 прожгла мне, прожгла! Каким бы он был
 великим царём!
- Гек. Фригийским пеплосом, которым я мечтала
 тебя облечь, мой внук, для брака со знатнейшей
 невестой Азии, я труп твой украшаю.
 И ты, победный щит, родитель плодовитый
 триумфов боевых! Тебя любил мой Гектор!
 И ты прими венок! Иди, не мёртвый, с мёртвым!²⁴⁵
 Насколько ты ценней доспехов Одиссея,
 которыми почтён мерзавец тот премудрый!²⁴⁶
- Хор Ай-ай! Ай-ай!
 Твой труп оплаканный возьмёт
 земля, мой родной!
 Стенай же, мать!²⁴⁷ Гек. Ай-ай! Ай-ай!²⁴⁸
- Хор По мёртвым плачь! Гек. Ах, боже мой!²⁴⁹
- Хор Ты будешь всегда, всегда горевать!
- Гек. Я раны страшные повязками врачую,
 но врач я никакой, несчастный, бесполезный!
 Пускай тебя отец врачует в мире мёртвых!

²⁴³ Эта строка плохо сохранилась.

²⁴⁴ Эта строка плохо сохранилась. Ли (с. 268): «Еврипид, похоже, критикует чрезмерное внимание, которое, по его мнению, его земляки уделяют гимнастике».

²⁴⁵ Ли (с. 269): «Прощание Гекубы со щитом является примером пристрастия Еврипида к необычному выражению своих идей. Здесь вводится антропоморфизм [pathetic fallacy], и щит воображается трупом, который сам должен быть украшен вместе с телом мальчика.» Ли, похоже, сожалеет о том, что Еврипид не выражал своих идей обычным способом. Но тогда он и был бы обычным драматургом, каких тысячи. Более того, комментатор несколько ошибается. Еврипид прямо говорит о том, что щит не умер («οὐ θανούσα»). Сына убили в раннем возрасте, но воинская доблесть его отца, символизируемая щитом, бессмертна.

²⁴⁶ Имеются в виду доспехи Ахилла, которые должны были достаться самому доблестному воину. Главными претендентами были Одиссей и Аякс Теламонид (Αἴας Τελαμόνιος). Одиссей при помощи Афины одержал верх, Аякс же от горя потерял рассудок, перебил стадо баранов, приняв их за вождей ахейцев, и покончил с собой, бросившись на меч, ранее принадлежавший Гектору. Ли (с. 269): «Одиссей упоминается здесь не только потому, что он – классический пример умного, но беспринципного воина, но также потому, что он главным образом повинен в смерти Астианакта.»

²⁴⁷ Т.е. бабушка. Как и раньше, слово «мать» здесь употребляется в ласкательном смысле.

²⁴⁸ В оригинале – «αἰαῖ!». Восклицание Гекубы растянуто для соблюдения размера.

²⁴⁹ В оригинале традиционное восклицание горя – «οἴμοι μοι».

- Хор   Бей, бей себя по голове
                  тяжёлой рукой!
                  Ах, что за напасть!²⁵⁰
- Гек.   Подруги драгоценные!
- Хор   Гекуба, скажи! Что стонешь ты так?²⁵¹
- Гек.   Похоже, у богов занятия нет иного,²⁵²
                  как истязать меня и ненависть народов
                  на Троию призывать! Зря бычья кровь струилась!
                  Но если бы нас бог не повалил на землю,
                  мы не блистали бы, нам гимнов бы не пели,
                  не прославляли бы в далёких поколениях!
                  Несите мальчика к его могиле жалкой,
                  украшен он венком, чего ещё там нужно?
                  Умёрших, думаю, не больно-то заботит,
                  как погребают их, богато или бедно,
                  одни живущие обрядами кичатся.
- Хор   О! О!²⁵³
                  Сколько смелых надежд материнских
                  уничтожено смертью твоею!
                  Ты явился для высшего счастья,
                  благородным отцом порождённый,
                  но погиб так бесславно, так страшно!
                  Э! Э!²⁵⁴
                  Что за люди на башнях троянских
                  с факелами горящими скачут,
                  как безумцы? Какое несчастье
                  приключается вновь с Илионом?
- Тал.   Лохагам²⁵⁵ я скажу, которым приказали
                  Приамов город сжечь. Не надо больше медлить!
                  Давайте, жгите всё! Распространяйте пламя!
                  Испечем уже весь город илионский,
                  чтоб радостно домой отправиться из Трои!
                  А к вам относится вторая часть приказа,
                  троянки пленные! Как только трубным звуком
                  военачальники назначат время сбора,
                  к ахейским кораблям немедленно ступайте!
                  Да и тебе пора, несчастная старуха!
                  Вон видишь, за тобой пришли от Одиссея,
                  твой жребий – быть рабой в его краю далёком!
- Гек.   Какое горе мне! Вот и предел последний,
                  достойнейший венец моих страданий горьких –

²⁵⁰ В оригинале традиционное восклицание горя – «ὶὸ μοί μοι».

²⁵¹ Первая половина этой строки плохо сохранилась.

²⁵² Первая половина этой строки плохо сохранилась.

²⁵³ В оригинале – «ὶὸ ἰὸ».

²⁵⁴ В оригинале – «ἔα ἔα».

²⁵⁵ Лохάγ (λοχαγός) – командир армейского подразделения. При постановке, чтобы избежать непонятного зрителям слова, можно заменить так: «Я воинам скажу» и т.д.

- покинуть родину, пока мой дом пылает!
 Но, дряхлая нога,²⁵⁶ расшевелись немного,
 с любимым городом позволь мне попрощаться!
 Каким величием среди варваров дышала
 ты, Троя милая! Осталась в прошлом слава!
 Тебя палят огнём, а нас уводят в рабство!
 О, боги! Но зачем богов я призываю?
 Когда они с высот на зов мой откликнулись?
 Так бросимся в огонь! Умрём прекрасной смертью,
 с горящей родиной сливаясь воедино!
- Хор
 В страданиях, бедная, твой разум помутился!
 Берите пленницу, ведите к Одиссею,
 пускай награду он получит прямо в руки!
- Гек.
 От-то-то-то-то-той!²⁵⁷
 Властитель Фригии, Кронид!²⁵⁸
 Отвечай нам, отец,
 чем заслужил дарданский край те бедствия, что видишь ты?
- Хор
 Он видит, но великий град
 не град уже! Погибло царство! Трои нет!
- Гек.
 От-то-то-то-то-той!
 Пылает славный Илион,²⁵⁹
 Пергамские дома сжигаются пожаром,
 и город, и короны стен!
- Хор
 Копьём пронзённая земля
 бледнеет, словно дым, хрустя крылом небесным!²⁶⁰
 Огонь гуляет по дворцам,²⁶¹
 разбитым пиками врага!
- Гек.
 Земля, родившая моих детей любимых!
- Хор
 Э! Э!
- Гек.
 Услышьте мать свою! Узнайте голос, дети!
- Хор
 Рыданьем жалобным ты призываешь мёртвых!
- Гек.
 Простёршись на земле всем этим дряхлым телом
 и ударяя в пыль обеими руками!
- Хор
 А мы вслед за тобой колени преклоняем
 и наших сгубленных мужей зовём из мрака подземелья!
- Гек.
 Меня уводят прочь! Хор Крик с болью, с болью смешан!
- Гек.
 В дом рабства горького! Хор Из милой нам отчизны!
- Гек.
 А! А!²⁶² Приам! Приам!
 Ты мёртв! Непогребён! Лишён друзей любимых!

²⁵⁶ Так буквально в оригинале – «ὄ γεραιὴ ποῦς». Гекуба обращается к самой себе с полупренебрежением.

²⁵⁷ Традиционное восклицание горя – «ὄττοτототототῶ!». Если оно слишком экзотично, то его можно заменить на любой русский эквивалент, например: «Ах, боже, боже мой!».

²⁵⁸ Т.е. Зевс, сын Кроноса (Κρόνος) – верховный бог, правивший до Зевса и низвергнутый им.

²⁵⁹ Эта строка и две следующие плохо сохранились.

²⁶⁰ Ли (с. 280): «Уничтожение Трои сравнивается с рассеиванием дыма на ветру. Сам же дым сравнивается с летящей птицей, которая поднимается выше и выше, и, наконец, пропадает из виду.»

²⁶¹ Подлинность этой строки и следующей подвергается сомнению.

²⁶² В оригинале – «ἰὼ ἰὼ».

Хор Не знаешь ты, как я скорблю!
Смерть чёрная твои глаза
покрыла праведным, неправедным закляньем!²⁶³

Гек. Святилища богов! Родной, любимый город!
Хор Э! Э!
Гек. В кровавом пламени! Под гущей вражьих копий!
Хор Вас ждёт уже земля, погибших, безымянных!
Гек. Как дымное крыло, взлетает пыль к эфиру
и милые дома от взора заслоняет!

Хор Названье родины нескладным звуком стало,
всё перемешано вверх дном, и нет уже несчастной Трои!

Гек. Вы это слышали? Хор Пергам на землю рухнул!
Гек. Повсюду грохот, лязг! Хор Обрушился весь город!
Гек. Э! <Э!>²⁶⁴ Беда! Беда!
Шагай уже вперёд, измученное тело,
и рабство горькое встречай!

Хор Несчастный город наш, прощай!
А нам уже пора! Идём к судам ахейцев!

Брисбен, 10.12.2018 – 25.03.2019

²⁶³ В оригинале – «ὄσιος ἀνοσίαις σφαγαῖσιν». Излюбленный Еврипидом парадокс мысли. Ли (с. 281): «Хотя убийство Приама у алтаря Зевса <...> было нечестивым, хор называет смерть, не давшую ему [Приаму – В.] разделить его [хора – В.] судьбу, праведной и священной.»

²⁶⁴ В оригинале – «ἰὼ». Вторая часть восклицания – «ἰὼ» – отсутствует в рукописях и добавляется иногда для симметрии с предыдущей строфой.